

ЦЕНА ОБЕЩАНИЯ

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский

Цена обещания

«Автор»

2026

Северский А.

Цена обещания / А. Северский — «Автор», 2026

В Лигране обещания держат мосты, зажигают больничный свет и дают городу право планировать завтрашний день. Лея Арден умеет составлять их без единой двусмысленности — и верит, что точные слова защищают людей. Независимый расторгатель Кайр Вельт доказывает обратное: безупречный договор может стать тюрьмой, если цена скрыта, а право уйти существует лишь на бумаге. Вместе они находят в главном городском обете тысячи согласий, которых никто не давал, и архив ещё не сделанных выборов. До обновления Договора Завтра остаются считанные дни. Чтобы спасти Лигран, Лее придётся нарушить самое важное слово, Кайру — решить судьбу обещания, которое поддерживает его жизнь, а им обоим — понять, возможна ли близость без вечной клятвы и взаимного залога.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Мост без завтра	6
Глава 2. Человек, который расторгает	11
Глава 3. Трещина в меди	17
Глава 4. Цена чужого отказа	24
Глава 5. Обещание на один день	29
Глава 6. Архив ненаступивших решений	36
Глава 7. Дочь нарушителя	44
Глава 8. Рынок свободных слов	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Андрей Северский

Цена обещания

От автора

Мы часто думаем, что цена обещания становится известна лишь после того, как слово нарушено. Но иногда она возникает раньше: в ту секунду, когда человек говорит «я обещаю» и будто бы лишает себя права измениться.

Мне хотелось написать историю о мире, где точные слова обладают зримой силой, а любая клятва требует честно названной цены. Оказалось, что это не только история о магии. Это история о согласии, о границах заботы и о разнице между верностью другому и попыткой решить за него, что он способен вынести.

Любовь здесь не скреплена волшебной гарантией. Она должна остаться выбором двух взрослых людей — выбором, который нельзя сделать один раз и затем навсегда спрятать в безупречной формулировке.

«Цену обещания» лучше читать как путешествие по городу, который слишком хорошо научился планировать завтрашний день. Не все его улицы приведут туда, куда обещали. И, возможно, это самая честная из его дорог.

Глава 1. Мост без завтра

Лея заметила лишнее завтра за семь минут до открытия моста.

Оно лежало поперёк медной полосы тонкой светлой царапиной. В утренней тени след почти не различался, но стоило маятнику испытательных часов качнуться к востоку, как царапина налилась синим. Цветом ещё не принятого решения.

На мостовой гремели последние тележки с грузом. Сто двадцать чугунных чушек, восемь бочек воды и клетка с тремя возмущёнными гусями изображали завтрашнюю толпу. Гусей добавил смотритель Борн: уверял, что ни одна расчётная модель не заменит живого существа, которое рвётся не туда, куда предусмотрено инструкцией.

До сих пор его теория работала. Гуси рвались к Палате мер, чушки лежали смирно, мост держался.

— Составительница Арден! — крикнул с помоста церемоний распорядитель. — Подтвердите готовность следа.

У белых лент уже ждали городской председатель, подрядчик и двенадцать людей с ножницами, хотя лента была одна. За ограждением теснились жители Южной Дуги. Они десять лет добирались до больницы в обход канала и теперь пришли посмотреть, как обратная дорога станет короче на сорок минут.

Лея не ответила.

Она опустила на колено у центрального шва. Камень хранил ночную прохладу даже сквозь плотную юбку. Медная полоса проходила от одного устоя к другому и несла срок: девять лет, четыре месяца, до первого ледохода. Стекланные вставки удерживали условия нагрузки. Между ними под прозрачным лаком тянулись нити согласий — строителей, поставщиков, казначеев, инспекторов. Каждый участник обещал своё. Каждый называл цену.

Так было в экземпляре, который Лея проверила вчера.

Сегодня от центральной вставки отходила ещё одна линия. Она уходила не назад, к уже данным словам, а вперёд, туда, где обетный след обычно растворялся в мутном стекле неопределённости.

Лея сняла перчатку и коснулась линии ногтем.

Холод добрался до локтя.

Перед глазами на миг проступил мост под завтрашним дождём. По нему двигались люди — не лица, только веса, шаги и направления. Триста сорок семь человек. Две грузовые повозки. Разносчик с ручной тележкой. Мальчик, который остановится у середины и перегнётся через перила. Женщина, которая вернётся за забытой корзиной.

Медь знала их нагрузку.

Никто из них ещё не решил сюда прийти.

Лея отдернула руку.

— Арден? — голос распорядителя стал суше. — У нас речь председателя через четыре минуты.

— Снимите грузы.

На мосту стало тихо, если не считать гусей.

Борн, державший ведомость у первой тележки, прищурился:

— Какие именно?

— Все. И людей уведите за крайние метки.

— Испытание закончено, — напомнил подрядчик Гераль Невис. Он стоял возле ленты в новом синем сюртуке, туго застёгнутом на животе. — Нагрузка выдержана на шестнадцать процентов выше расчётной. Ваше заключение уже на столе у госпожи Роан.

— Моё вчерашнее заключение. Сегодня след изменён.

Невис улыбнулся тем терпеливым ртом, которым взрослые объясняют ребёнку устройство двери.

— Медный срок созревает к полудню. Обычная цветовая усадка.

— Стекло не созревает в сторону будущего.

Она поднялась и показала на светлую ветвь. С помоста её почти не было видно. Невису пришлось подойти, и каждое его движение сообщало толпе, что задержка устроена из-за прихоти слишком молодой женщины с измерительным шилом.

— Я ничего не вижу.

— Потому что смотрите на медь. Наклонитесь к третьей вставке.

— Если я наклонюсь ещё ниже, мне придётся брать с моста плату за поклон.

Несколько чиновников рассмеялись. Лея не стала.

Она достала из кожаного футляра малый отвес: серебряная нить, стеклянная капля, медное кольцо. Простая вещь, если не обещать ей показывать то, чего нет. Лея закрепила кольцо на полосе и отпустила каплю. Та должна была повиснуть строго над настоящей нагрузкой.

Капля качнулась к пустому участку моста.

Потом ещё дальше — к завтрашнему дню.

Смех оборвался.

— Повторите, — сказал Борн.

Лея переставила отвес к другой вставке. Капля снова потянулась вперёд, будто невидимая рука пыталась унести её сквозь стекло.

— Триста сорок семь пешеходов, — сказала Лея. — Две грузовые повозки. Ручная тележка. След удерживает их до появления согласий.

Невис побледнел не сразу. Сначала он посмотрел на помост, где Эстер Роан беседовала с казначеем, затем на рабочих у ограждения.

— Это расчётная проекция.

— Расчёт не оставляет обетного следа.

— Тогда резервное поручительство Палаты.

— Поручительство отвечает за цену, а не выбирает нагрузку.

— Люди всё равно пройдут по мосту завтра.

Лея услышала в его голосе облегчение человека, наконец нашедшего очевидное объяснение.

— Возможно, — сказала она. — Если сегодня мы не решим за них.

Распорядитель спустился с помоста, придерживая цепь должности, чтобы та не била по пуговицам.

— Составительница, председатель просит вас закончить проверку без публичного обсуждения служебных тонкостей.

— Тогда председателю придётся убрать публику.

— Публика пришла на открытие.

— Открытия не будет.

Слова прозвучали громче, чем Лея рассчитывала. Они дошли до ограждения. Толпа зашевелилась. Кто-то недоверчиво переспросил, кто-то выругался, стараясь не делать этого рядом с детьми.

У Леи под рёбрами затвердел знакомый холод. В кармане сюртука лежало сложенное письмо о назначении. Пока без подписи Эстер, но уже с печатью кадровой коллегии. В полдень Лея должна была получить старший знак и место за столом обновления Договора Завтра.

Для этого требовалось завершить мост.

Не благополучно. Именно завершить.

Она сама добилась такой формулировки, когда прежнее «обеспечить успешное открытие» показалось ей слишком зависимым от чужих речей и погоды. Теперь точность, которой она гордилась, не оставляла укрытия.

Эстер Роан подошла без свиты. Высокая, седая, в сером платье без церемониальных кружев, она казалась единственным человеком на мосту, которого не торопили часы.

— Покажите, — сказала она.

Лея провела испытание в третий раз. Эстер наблюдала за стеклянной каплей, не касаясь прибора.

— Вы проверили возможность отражения от канальной нити?

— Да. Она дала бы обратное качание.

— Остаточную память грузов?

— Она тянула бы к чушкам.

— Ошибку сборки?

— Тогда след шёл бы к условию, а не за границу срока.

Эстер перевела взгляд на Невиса.

— Кто имел доступ после вчерашнего заключения?

— Ночная охрана, мастер полировки и двое моих заместителей. Все дали допуски.

— Допуски не отвечают на вопрос, — заметила Лея.

Невис стиснул зубы.

Эстер чуть повернула голову к толпе. За ограждением уже спорили. Пожилая женщина размахивала больничной книжкой. Возчик требовал вернуть плату за утренний простой. На дальнем берегу музыканты продолжали держать трубы у губ, будто приказ мог прийти в любую секунду.

— Если мы снимем церемониальную нагрузку и откроем мост только для пешеходов, — произнесла Эстер, — непосредственный риск составит?

— Я не могу его вычислить, потому что не знаю источник следа.

— Ваше лучшее предположение.

— Что мост выдержит.

Невис шумно выдохнул.

— Вот видите.

— А завтра, — продолжила Лея, — след либо заставит условия принять указанную нагрузку, либо возьмёт цену за несовпадение. Мы не знаем, с кого.

— Но сегодня мост безопасен? — уточнила Эстер.

Это был честный вопрос. Именно поэтому он был опасен.

Лея посмотрела на людей за лентой. Они ждали не объяснения о видах обетных следов. Они ждали короткого пути к больнице, лавкам и домам. Мост был нужен им сегодня. Завтрашняя угроза пока существовала лишь в дрожании маленькой стеклянной капли.

— Сегодня камень безопасен, — сказала Лея. — Договор — нет.

— Значит, можно провести открытие, а после закрыть мост для исследования, — предложил распорядитель.

Лея представила, как ножницы разрезают ленту. Как Эстер произносит слова о соединённых берегах. Как первые жители переходят канал и вписывают своё движение в условие, которого не принимали. После этого закрытие станет не проверкой пустого моста, а расторжением уже начатого общего обещания.

— Нельзя.

— Арден, — тихо сказал Невис, — здесь месячная выручка сорока лавок. У людей назначены приёмы. Подрядчики держат рабочих только до полудня. Вы готовы отвечать за всё это из-за царапины?

Лея снова надела перчатку.

— Готова отвечать за остановку. За чужое согласие — нет.

Она вынула из футляра красный штифт и вставила его в приёмное отверстие медной полосы.

Штифт вошёл легко, словно кто-то смазал замок заранее.

Это напугало её сильнее синего следа.

Чтобы остановить новый общественный обет, составитель должен был назвать основание и личную цену ошибки. Если основание подтверждалось, цена не взималась. Если нет — она переходила на того, кто задержал исполнение.

Лея положила ладонь на холодную медь.

— Я, Лея Арден, составительница третьей меры, приостанавливаю договор Южного моста до проверки неназванной нагрузки. Если след создан законно и все будущие участники дали отдельное согласие, принимаю стоимость простоя до тридцати дней и лишение права заверять городские договоры на тот же срок.

Медь вспыхнула под пальцами. Красный штифт потемнел, принимая слова.

Где-то внутри моста ударил одинокий колокол.

Чушки на тележках одновременно сдвинулись на толщину ладони. Рабочие отпрянули. Гуси наконец вырвались из клетки и с торжествующим гогом понеслись к помосту.

Борн первым опомнился.

— Снять нагрузку! По одной тележке, к северному устью. Живо!

Люди заговорили все разом. Распорядитель побежал спасать председательские бумаги от гусей. Музыканты на дальнем берегу, не видя причины суматохи, сыграли первые четыре ноты гимна и сбились.

Эстер смотрела на потемневший штифт.

— Тридцать дней, — сказала она.

— Это верхняя граница.

— И ровно через двадцать восемь мы начинаем обновление Договора Завтра.

— Я помню.

— Вы сформулировали цену так, что даже при своей правоте не сможете завершить допуск вовремя, если проверка затянется.

Лея не сразу поняла. Потом посмотрела на письмо в кармане, словно могла увидеть его сквозь ткань.

Если след окажется законным, она потеряет право заверять договоры. Если незаконным, расследование всё равно может продлиться до обновления. Старший составитель должен быть назначен сейчас, а не после того, как город закончит главную работу девятилетия.

— Цена должна быть настоящей, — сказала она.

— Да.

В голосе Эстер не было ни похвалы, ни упрёка. Только усталое подтверждение факта.

Она сняла с лацкана узкий футляр и вынула сложенный лист с печатью кадровой коллегии. Второй экземпляр того письма, которое лежало у Леи.

Эстер разорвала его пополам.

Магии в этом не было. Обычная бумага поддавалась легко.

— Назначение отменяется, — сказала она. — Проверку моста передадут старшему составителю Кевену. Вы подготовите первичный акт и сдадите инструменты до конца дня.

— Я обнаружила след.

— Поэтому вы останетесь в Палате. Но человек, готовящий Договор Завтра, не может связывать свою должность с ценой незаконченного расследования.

Лея хотела возразить, что именно такой человек и нужен городу. Тот, кто замечает невозможную линию и не прячет её ради церемонии. Но это звучало бы как просьба наградить её за поступок, цену которого она только что объявила настоящей.

Она наклонила голову.

— Когда я могу начать опрос ночной смены?

— После сдачи инструментов.

— Без отвеса я не проверю их допуски.

— Опрсите словами.

Эстер повернулась к распорядителю и велела объявить техническую задержку. Ни слова о завтрашней нагрузке. Ни слова о согласиях.

— Председатель, — позвала Лея.

Эстер остановилась.

— Почему красный штифт вошёл без сопротивления? Блокировка должна была запросить подтверждение двух дежурных мерников.

На лице Эстер впервые появилось выражение, которое Лея не сумела прочесть.

— Внесите в акт.

— Это значит, что остановку предусмотрели.

— Или что кто-то небрежно собрал замок.

— Вы не верите в небрежность, когда речь о городском договоре.

— А вы, Арден, с сегодняшнего утра получили возможность узнать, во что верите без старшего знака.

Она ушла.

К полудню мост опустел. Белую ленту сняли, цветы унесли в больницу, чушки вернули на склад. Только три гуся остались на южном берегу и щипали венки, которые не успели убрать.

Лея сидела на корточках у центральной вставки и переписывала показания отвеса в первичный акт. Прибор предстояло сдать через час. Она использовала каждую минуту.

Синий след стал ярче.

Теперь в завтрашней нагрузке числился ещё один человек.

Он шёл против общего движения — с южного берега на северный, один среди трёхсот сорока семи теней. Высокий, в длинном тёмном сюртуке. У самой середины он останавливался и касался рукой медной полосы.

Список допущенных был у Леи перед глазами.

Такого имени в нём не было.

Глава 2. Человек, который расторгает

К вечеру Южный мост научился притворяться обычной стройкой.

Исчезли цветы, музыканты и белая лента. Вместо них у ограждения громоздились ящики с инструментами, мокрые канаты и две жаровни, над которыми рабочие грели ладони. Со стороны канала тянуло водорослями. Низкое солнце било в медные полосы, и каждая царапина казалась Лее продолжением того невозможного синего следа.

Она вернулась без служебного отвеса.

На поясе висел только пустой футляр: Кевен принял инструменты, акт и право вести проверку с одинаково сонным выражением лица. Лее он оставил устное поручение опросить ночную смену и не прикасаться к договорным вставкам. Устное — значит, не оставляющее следа. Удобная форма доверия для человека, который не доверял ей ничего.

— Госпожа Арден! — окликнул мастер Борн. — Вы вовремя. Невис решил распустить людей без расчёта.

У северного устоя двадцать рабочих теснили Геральд Невиса к конторскому вагончику. Подрядчик уже снял праздничный сюртук и стоял в жилете, но золотая цепочка часов всё ещё пересекала его живот, словно должностная перевязь.

— Я решил исполнить договор, — громко поправил он. — Оплата производится после приёмки. Приёмка приостановлена составительницей Палаты. Все требования — к ней.

Люди обернулись.

Утром Лея приняла цену простоя, однако лишь при условии собственной ошибки. Пока проверка не закончена, медь не позволяла взыскать с неё ни монеты. Невис это знал. Рабочие, судя по их лицам, — нет.

— Покажите трудовой обет, — потребовала она.

— Документы переданы старшему составителю.

— У каждого договора есть рабочая копия на месте исполнения.

Невис посмотрел на неё уже без утренней снисходительности.

— Вы сдали знак.

— Но не память.

Кто-то за спиной Борна коротко засмеялся. Подрядчик вытащил из внутреннего кармана медную книжицу и сжал её так, чтобы Лея не могла взять.

— Здесь сказано: подрядчик обещает выплатить полную сумму после принятия моста городом. Город мост не принял.

— А рабочие что обещали?

— Завершить строительство и обеспечить сдачу.

— Строительство завершено, — сказал Борн. — Мы даже ваших гусей пережили.

— Сдача — нет.

Край толпы качнулся. Женщина с перевязанным запястьем шагнула к Невису, но сосед удержал её за локоть. Лея видела знакомую ловушку: обе стороны произнесли точные слова, каждая понимала их по-своему, а составитель связал цену с формальным событием, которое контролировала лишь одна из них.

— Кто заверял формулу? — спросила она.

Невис захлопнул книжицу.

— Палата мер.

— Имя.

— Не ваше.

— Это верно, — произнёс незнакомый голос. — У госпожи Арден формулировки обычно изящнее. Ловушки у неё захлопываются бесшумно.

Мужчина стоял по другую сторону жаровни, хотя Лея могла поклясться, что секунду назад там никого не было. Высокий, в длинном тёмном сюртуке, слишком лёгком для сырого ветра. Волосы он перевязал у затылка узким шнуром. На правой руке не было перчатки, и от основания большого пальца к запястью тянулся тонкий белый шрам.

Тот самый силуэт из завтрашнего следа.

— Кайр Вельт, — процедил Невис. — Вас сюда не звали.

— Меня редко зовут люди, которым выгодно чужое обещание.

Кайр вынул из кармана сложенный лист и передал Борну. Мастер прочитал верхнюю строку, медленно шевеля губами.

— Поручение? — спросила Лея.

— От шестнадцати участников обета. Ещё четверо поставили кресты при свидетелях. Они уполномочили меня расторгнуть их часть договора.

— После завершения работ? — Невис рассмеялся. — Прекрасно. Пусть расторгают. Тогда они отказываются от оплаты и возмещают мне сорванную сдачу.

Кайр повернулся к нему.

— Назовите цену разрыва дословно.

— Она в книжице.

— Значит, вам будет нетрудно.

Невис промолчал.

Лея протянула руку:

— Дайте копию.

На этот раз подрядчик отступил. Не от неё — от обоих сразу.

— Вы не имеете полномочий, Арден. А этот человек зарабатывает на том, что учит должников не платить.

— Я учу кредиторов писать договоры, которые можно произнести вслух, — сказал Кайр. — Взаимная польза пока не доказана.

Он улыбался, но смотрел не на лицо Невиса, а на медную книжицу. Белый шрам на его руке потемнел по краям, будто под кожей проступила тонкая нить.

Лея встала между ним и подрядчиком.

— Вы видите след без прибора?

Улыбка осталась, взгляд изменился.

— А вы задаёте служебные вопросы без знака?

— Это не ответ.

— Тогда мы квиты.

Борн нетерпеливо встряхнул поручение.

— Мне всё равно, чем вы двое меряетесь. У Неллы дома трое детей. Вессу выселяют завтра. Мы выполнили работу.

Кайр кивнул, принимая упрёк.

— Поэтому я здесь. Господин Невис, если вы не откроете книжицу, я назову формулу по копии рабочих.

— Копия не содержит моего обязательства.

— Содержит связующую строку. Этого достаточно, чтобы разорвать сторону исполнителей.

— И оставить мост без людей, обязанных явиться на сдачу. Вы погубите их же труд.

— Сдачу уже сорвали не они.

Лея услышала, как медь под обложкой отозвалась едва различимым звоном. Невис сказал правду: без присутствия рабочих город мог отказать в приёмке после проверки. Но он намеренно ставил их перед выбором между заработанной платой и бесконечным ожиданием.

— Цена, — повторила она. — Если вы скрываете её от участников в момент расторжения, согласие на продолжение тоже нельзя считать свободным.

Невис побагровел.

— Цена названа при заключении. За односторонний разрыв до сдачи каждый участник отдаёт подрядчику три последующих рабочих дня.

По толпе прошёл ропот.

Кайр перестал улыбаться.

— Не деньги?

— Труд. Законный и принадлежащий обещающему.

— Три дня каждого? — переспросила Лея.

— Именно.

Двадцать человек. Шестьдесят дней труда, которые Невис мог продать другому подрядчику. Даже после выплаты нынешнего заработка он получал больше, чем терял.

— Вы пришли сюда, зная это? — спросила Лея у Кайра.

— В рабочих копиях стояло: «три дня участия». Без слова «последующих».

— Смысл тот же, — быстро сказал Невис.

— Нет, — одновременно ответили Лея и Кайр.

Они посмотрели друг на друга. В его лице на миг мелькнуло раздражённое одобрение, и это почему-то задело сильнее насмешки.

— День участия в этом договоре невозможен после его разрыва, — сказала Лея. — Формула рабочей стороны не исполнима.

— А формула подрядчика требует будущего труда, — продолжил Кайр. — Значит, стороны связаны разными ценами.

— Писцовая ошибка.

— Сознательная двусмысленность, — возразила Лея. — Медь должна была дать трещину.

Кайр поднял правую руку. Тёмная нить под шрамом дрогнула в сторону книжицы.

— Дала. Её запаяли в корешок.

Он шагнул вперёд. Невис попытался спрятать книжицу, но Борн перехватил его запястье. Лея успела увидеть на ребре переплёта тонкую серую полосу припоя.

— Не открывайте, — сказала она. — Сначала нужен изолирующий контур. Если трещина удерживает несовпадающие цены, при разрыве одна из них уйдёт по ближайшей связи.

— Ближайшая связь — подрядчик, — ответил Кайр.

— Если составитель не отвёл её в общественный резерв.

— Вы всегда предполагаете худшее о коллегах?

— Только когда вижу их работу.

Над каналом ударили часы. Пять глухих ударов раскатились между домами. На дальнем берегу зажглись окна Часовой больницы: сперва нижний ряд, затем верхний, белый и ровный. Через час начиналась вечерняя смена, и больничный обет должен был держать свет до утра независимо от угля и ветра.

Кайр проследил за её взглядом.

— Контур займёт час.

— Полтора.

— Вессу выселяют утром, — напомнил Борн.

— А если цена уйдёт в больницу, утро может понадобиться не только Вессу.

Кайр подошёл к рабочим. Теперь он говорил без колкостей.

— Я могу разорвать обет сейчас. Возможно, цена ляжет на Невиса. Возможно, в договоре есть скрытая связь, которую мы не видим. Если ждём Палату, вы остаётесь связаны и

не получаете денег. Решение каждого отдельное. Моё поручение позволяет действовать, но не позволяет решать вместо вас.

Лея отметила это против воли. Он мог воспользоваться уже данными подписями. Вместо этого возвращал людям выбор в тот момент, когда цена стала видимой.

Первым выступил Весс — тощий каменщик с известью в бровях.

— Рвать.

— Подумай, — сказал Борн.

— Я думал весь месяц, пока хозяйка считала дни.

Нелла с перевязанной рукой встала рядом с ним.

— Рвать.

Остальные отвечали не хором. Некоторые долго смотрели на больничные окна. Трое отступили и попросили вычеркнуть их из поручения. Кайр сам провёл ногтем по их именам, и чернила побледнели. Семнадцать остались.

— Я заявляю возражение Палаты, — сказала Лея.

— У вас нет знака.

— Поэтому заявляю как свидетель. Разрыв нельзя считать безопасным.

— Безопасным не бывает обещание, из которого одна сторона вынула выход.

— Это красивая фраза. Она не удержит больничный свет.

— А осторожность не накормит детей сегодня.

В его голосе не было жестокости. От этого выбор становился хуже.

Кайр попросил рабочих образовать полукруг и положил поручение на перевёрнутый ящик. Невис рванулся к вагончику, но Борн и Нелла преградили ему дорогу.

— Не держите его, — приказал Кайр. — Любое принуждение даст ему основание оспорить разрыв.

Рабочие расступились. Невис остался. Уйти означало позволить им сказать, что он отказался услышать.

Кайр коснулся шрама двумя пальцами.

— Я, Кайр Вельт, по отдельному поручению семнадцати участников объявляю их часть обета строительства Южного моста расторгнутой. Они признают, что не обеспечат сдачу после сегодняшнего дня. Они принимают только ту цену, которую могли понять из выданной им копии: три дня участия в прекращённом договоре. Поскольку исполнить эту цену невозможно, они отдают подрядчику право предъявить денежный ущерб в обычном суде — без магического взыскания труда.

Медная книжица задрожала в руках Невиса.

— Вы не можете заменить цену! — крикнул он.

— Я не заменяю. Я отделяю согласованную от спрятанной.

Кайр посмотрел на рабочих.

— Если кто-то отказывается, скажите сейчас.

Никто не ответил.

— Разрываю.

Белый шрам на его ладони раскрылся красной линией — без крови, но Лея увидела глубину, которой в человеческой руке быть не могло. Кайр подцепил невидимую нить и потянул. Медь закричала.

Звук был тонким, почти детским. Книжицу выгнуло, серый припой лопнул. Из корешка выскользнули две светящиеся нити: светлая потянулась к рабочим и рассыпалась над их головами тёплой пылью; чёрная метнулась к Невису.

Он выставил книжицу как щит.

Внутри переплёта блеснуло стекло.

Чёрная нить ударила в него, отскочила и ушла над каналом.

— Контур! — Лея бросилась к ящику с инструментами.

Там были молотки, клещи, мерные скобы — ничего, что могло замкнуть обетный след. Она сорвала с пустого футляра серебряную пряжку, прижала к медной накладке устоя и назвала первое принадлежащее ей условие:

— Обещаю не покидать мост, пока цена не будет найдена.

Серебро вспыхнуло, но слишком поздно.

На дальнем берегу погас нижний ряд больничных окон.

Через удар сердца — верхний.

Белое здание стало чёрным, только в операционной башне дрожал один жёлтый огонь.

С моста было слышно, как внутри закричали люди.

Кайр отпустил нить. Его качнуло. Лея поймала его за локоть и ощутила под тканью не тепло, а ровный холод медной полосы зимой.

— Я предупреждала.

— Позже, — выдохнул он. — Там резервные лампы на ручной тяге. Им нужны люди.

Он попытался высвободиться. Лея сжала сильнее.

— Борн, ведите всех, кто свободен, в больницу. Скажите, что цена пришла по договорной связи и может гасить не только свет. Не обещайте, что останетесь до конца смены. Просто спросите, где нужны руки.

Мастер уже бежал. Рабочие устремились за ним, забыв и Невиса, и заработок. Нелла на ходу зубами развязала повязку, освобождая раненую руку.

Подрядчик попятился к вагончику.

— Вы останетесь, — сказала Лея.

— Я пострадавшая сторона!

— Тогда вам особенно захочется дождаться проверки стекла в корешке.

Невис побежал.

Кайр подставил ему ногу без видимого усилия. Подрядчик рухнул на колени, выронил книжицу и завыл так, будто цена всё-таки настигла его. Лея подняла договор платком, не касаясь металла кожей. Под лопнувшим припоем виднелась узкая стеклянная вставка с гербом городского резерва.

— Общественный отвод, — сказала она. — Его не должно быть в частном трудовом обете.

— Теперь вы знаете, кого задерживать.

Кайр снова двинулся к больнице.

Лея не отпустила его локоть.

— Вас обоих.

— Для проверки пустого футляра?

— Для проверки человека, который видит скрытые следы, появился на мосту без допуска и провёл разрыв после предупреждения о переносе цены.

— Я вернул семнадцати людям право уйти.

— И погасил больницу.

— Больницу погас тот, кто связал её с прибылью Невиса.

— А нить дёрнули вы.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. В его глазах не было раскаяния, которого Лея ждала, — только ярость человека, которому предлагали признать виновным нож за то, что им вскрыли нарыв.

— Если вы сейчас поведёте меня в Палату, — сказал он тише, — вы потеряете время. В больнице я полезнее.

— Поэтому мы идём в больницу. Там вы поможете восстановить свет, а после дадите показания.

- Это задержание с правом на добрый поступок?
- С обязанностью исправлять последствия собственного выбора.
- Опасная мысль. Если Палата её примет, половина ваших начальников останется без

сна.

Лея достала из кармана моток простой бечёвки. Служебной связывающей нити у неё не было, да она и не стала бы применять её без установленной цены. Она протянула Кайру один конец.

— Держите.

Он посмотрел на бечёвку.

— Вы всерьёз?

— Я обещала не покидать мост, пока цена не будет найдена. Цена ушла в больничный обет, но её точный объём неизвестен. Если я уйду, не расторгнув своё слово, перенос станет ещё хуже. Вы найдёте край больничной связи и принесёте сюда. Я останусь у источника.

— А задержание?

— Вы держите один конец. Я — другой.

— Это худшая метафора доверия, какую я слышал.

— Это не метафора. Бечёвка длиной сорок сажений. Не потеряйте её.

На этот раз он улыбнулся по-настоящему — коротко и почти недоверчиво.

— Лея Арден, вы умеете арестовывать людей так, что им приходится возвращаться из любопытства.

— Кайр Вельт, если вы не вернётесь, я найду вас по официальному поручению и испорчу впечатление.

Он обвязал конец вокруг запястья поверх белого шрама. Прежде чем уйти, наклонился к медной полосе моста и коснулся её ладонью — точь-в-точь как фигура в завтрашнем следе.

Синяя линия под стеклом вспыхнула.

Лея увидела, как завтрашний силуэт исчезает из потока. Не приходит раньше. Не меняет путь. Просто перестаёт существовать в единственном предусмотренном варианте.

Кайр резко выпрямился. По его лицу прошла боль.

— Что вы сделали? — спросила Лея.

— Проверил, держит ли мост чужое решение.

— И?

Он посмотрел на погасшую больницу, потом на бечёвку между ними.

— Держит, — сказал он. — Завтрашний день уже распределён. Вопрос только в том, кто вписал нас в него до знакомства.

Глава 3. Трещина в меди

Бечёвка передавала не слова, а рывки.

Первый означал: Кайр дошёл до спуска. Второй — что ему мешают. Третий Лея придумала сама: если верёвка лопнет, значит, больница уже научилась брать цену не только светом.

Она стояла на коленях у медной полосы Южного моста и держала свой конец обеими руками. Ветер тянул с канала мокрую известь и гарь погасших ламп. За её спиной стража уводила Гералия Невиса, впереди рабочие перебежали на дальний берег, а между ними город продолжал делать вид, будто это обычное утро.

Бечёвка дёрнулась четырежды.

— Такого сигнала не было, — сказала Лея.

С другого берега едва донеслось:

— Теперь есть. Спускайтесь!

— Я обещала не покидать мост.

— Тогда возьмите мост с собой.

Лея посмотрела на медную полосу. Тот, кто умел расторгать чужие обеты, обладал редким даром предлагать невозможное таким тоном, будто собеседник просто недостаточно старателен.

У восточного устоя находился служебный лаз. Формально он был частью моста: это подтверждали и строительная опись, и клеймо Палаты на каждой ступени. Лея обвязала бечёвку вокруг запястья, сунула треснувшую книжицу Невиса в кожаный футляр и спустилась под настил.

Под мостом утро стало медным. Свет просеивался сквозь решётчатый пол, ложился на балки узкими полосами и дрожал вместе с водой. Вдоль каменного устоя шёл пучок служебных нитей — красных, белых, зелёных. Каждая ныряла в отдельную керамическую трубку. Больничная связь должна была быть белой.

Белых оказалось две.

Одна была натянута и тепло светилась возле узла. Другая, почти бесцветная, лежала в желобе под первой. Не двойная линия для надёжности: тайная шла тем же путём, но в нескольких местах менялась с видимой местами.

Лея коснулась нижней нити костяным шупом. По металлу моста прошла слабая дрожь. Где-то далеко звякнуло стекло.

— Нашла, — сказала она, хотя Кайр не мог услышать.

Бечёвка в ответ натянулась.

Она пошла вдоль устоя, не выпуская из пальцев обычную верёвку. Обещание не позволяло ступить на набережную: на последней ступени грудь сдавило, словно под рёбра положили медную линейку. Поэтому Лея остановилась на площадке над водой. До больничного водовода оставалось не больше тридцати шагов, но между ними лежала граница её собственного слова.

Кайр появился из тумана, ведя за собой седого смотрителя в сером больничном халате. На запястье расторгателя всё ещё была обмотана бечёвка. Второй рукой он держал стеклянный колпак от лампы; внутри по трещине ползла чёрная искра.

— Вы взяли больничное имущество, — сказала Лея.

— Временно спас от людей, которые пытались зажечь его маслом.

— Лампы для того и существуют.

— Не когда масло превращается в тень.

Смотритель за его плечом тяжело дышал.

— Мы перевели операционные на ручные отражатели. Воду качают санитары. Но обет погас не целиком. Он будто... не решил, исполнен ли.

Лея показала две белые нити.

— Потому что решение разделили.

Кайр присел на набережной напротив неё. Между носками его сапог и краем служебной площадки оставалась узкая полоса пустоты.

— Здесь то же самое. — Он поднял колпак. — На больнице написано: «свет сохраняется, пока город обеспечивает службу». На внутреннем обode: «свет сохраняется, поскольку город обеспечивает службу».

Смотритель нахмурился.

— Разница в одном слове.

— Поэтому она и дорогая, — сказала Лея.

«Пока» называло условие и допускало конец. «Поскольку» утверждало причину как уже существующую. Если город переставал обеспечивать больницу, первая формула должна была погаснуть честно. Вторая продолжала считать обеспечение совершившимся и искала недостающую цену в ближайшей связи.

В мосте.

Или в людях.

Лея достала из футляра книжицу Невиса. Под лопнувшим серым припоем блеснула узкая стеклянная вставка с гербом городского резерва. Она приложила колпак к книжице, не касаясь краями. Чёрная искра в стекле выгнулась в сторону тайной белой нити.

— Это не аварийный отвод, — сказала она. — А петля. Частный договор отдаёт цену больнице. Больница возвращает нехватку в городскую опору. Опора распределяет её между всеми, кто обещал пользоваться завтрашним мостом.

— Людьюми, которые ещё ничего не обещали, — сказал Кайр.

— Которые ещё не успели отказаться.

Его взгляд стал внимательнее. Улыбка исчезла, и Лея впервые увидела не остроумного нарушителя на служебной площадке, а человека, привыкшего замечать дверь раньше комнаты.

— Можно доказать умысел?

— Одна замена могла быть ошибкой переписчика. Две согласованные замены — схема.

— Я насчитал семь.

Он поставил колпак на камень и вынул из внутреннего кармана узкую ленту кальки. На ней углём были сняты надписи с больничных соединений.

«Если — так как». «До тех пор — оттого». «При условии — в силу».

Каждая пара превращала условие в свершившуюся причину. Ни одна сама по себе не лгала: город действительно обеспечивал больницу вчера, месяц назад, в момент закрепления формулы. Но вместе слова заставляли магию считать прошлое согласие разрешением на любую будущую цену.

Лея перечитала ленту дважды.

— Вы сняли это без допуска?

— Смотритель допустил меня как человека с руками.

Седой мужчина кивнул:

— Он запустил резервный маховик. Потом спросил, где у нас самые старые надписи.

— А вы показали постороннему внутренний контур?

— Он был единственным посторонним, который вернул свет в родильную.

Кайр протянул Лее кальку через просвет. Она не могла дотянуться, не ступив с моста. Он понял раньше, чем она отказалась, отвязал от запястья бечёвку и закрепил лист на конце.

— Доставка вещественных доказательств, — сказал он. — Без нарушения границы.

Лея подтянула кальку к себе.

— Не привыкайте обходить мои обещания.

— Я обхожу только плохо составленные.

— Это обещание составлено безупречно.

— Тогда почему вы стоите над сточной трубой и спорите со мной через канаву?

Она хотела ответить, но заметила на третьем оттиске крошечный знак: две вложенные окружности и короткая черта. Метка редакции. Такие ставили не ремесленники и не больничные смотрители, а составители Палаты перед переносом формулы в городской реестр.

Лея знала этот знак.

Он стоял на полях учебных договоров, по которым она осваивала сложные цепи условий. Им помечала правки Эстер Роан.

Вода под площадкой ударилась о камень. Лея почувствовала этот толчок в коленях.

— Что? — спросил Кайр.

Она сложила кальку так, чтобы знак оказался внутри.

— Нужно сверить с реестром.

— Вы узнали метку.

— Я узнала, что одной кальки недостаточно для обвинения.

— Это не одно и то же.

— В Палате — одно.

— Поэтому я туда не вступал.

— Вас туда не приглашали.

— Видите? Даже наши версии совместимы.

Смотритель кашлянул и напомнил, что в больнице всё ещё темно.

Лея заставила себя вернуться к механике. Чтобы разомкнуть петлю, требовалось назвать границу между прошлым вкладом и будущей обязанностью. Сделать это мог участник городского договора или уполномоченный составитель. После лишения назначения её полномочия были сомнительны. Кайр мог вскрыть связь, но любой разрыв снова сбросил бы цену на ближайшую систему.

— Нам придётся действовать вместе, — сказала она.

— Постарайтесь не звучать так, будто назначаете казнь.

— Я отделю условие. Вы удержите цену на исходной нити, не разрывая её.

— Расторгатель, который ничего не расторгает. Моя профессиональная гордость ранена.

— Переживёт. В отличие от больничных ламп.

Кайр закатал рукав. Белый шрам на ладони уходил под манжету, и рядом с ним проступила тонкая синяя сетка, будто под кожей лежало растрескавшееся стекло. Он сразу опустил руку.

Лея сделала вид, что не заметила. Не из деликатности — она ещё не решила, какое право давало ей увиденное.

Они расположились по разные стороны границы. Кайр прижал ладонь к больничному копчаку. Лея вставила костяной шуп между двумя белыми нитями у мостового узла.

— На счёт три, — сказала она. — И не тяните.

— Расторгатели не тянут. Мы освобождаем.

— Один.

Чёрная искра метнулась к его пальцам.

— Два.

Медь под Леей нагрелась.

— У вас есть привычка предупреждать слишком поздно, — сказал Кайр.

— Три.

Лея повернула шуп.

Белые нити вспыхнули. Верхняя отозвалась ясным звоном, нижняя — глухим, словно удар пришёлся по монете, зажатой в кулаке. Кайр стиснул зубы и удержал ладонь на стекле. Чёрная искра взвилась по его запястью. Бечёвка между ними стала жёсткой.

Лея произнесла формулу медленно, отделяя каждое слово:

— Прошное обеспечение подтверждает только прошное исполнение. Будущее участие требует будущего согласия. Цена прекращения остаётся у обещавшего и не переходит к тому, кто не назвал её своей.

Мост ответил снизу тяжёлым гулом.

На миг Лея увидела над каналом сеть завтрашних путей. Сотни силуэтов шли по мосту, входили в больницу, поворачивали на рынки. Большинство двигалось по одной и той же синей колее. Но теперь от каждого ответвлялась тонкая, почти бесцветная возможность: остаться дома, выбрать другую улицу, сказать нет.

Кайр вскрикнул.

Чёрная искра дошла до его локтя. Лея рванула шуп на себя. Нижняя белая нить вышла из желоба и лопнула не поперёк, а вдоль, раскрыв медную сердцевину.

Внутри была трещина.

Не случайный излом от усталости. Её вырезали резцом, ровно и глубоко, а потом заполнили составом из стеклянной пыли. На одной стороне насечки читалось «пока», на другой — «поскольку». Два слова занимали одно место.

Лея прижала к разрезу серебряную пряжку. Свет ударил ей в глаза. Больничный колпак в руках Кайра засиял ровным жёлтым пламенем без огня.

Смотритель обернулся. За его спиной по этажам Часовой больницы одно за другим зажигались окна.

Кайр отнял ладонь. Синяя сетка под кожей медленно погасла.

— Вы сказали не тянуть, — произнёс он хрипло.

— Вы потянули.

— Я удержал цену.

— На себе.

— Она искала ближайший городской договор.

Лея посмотрела на его руку.

— И нашла вас.

Он поправил манжету.

— Не льстите мне. Город часто ошибается в людях.

Прежде чем она успела спросить, почему его тело оказалось частью старого контура, наверху застучали каблуки. По служебной лестнице спускались трое: двое стражников Палаты и Эстер Роан.

Председательница была без церемониальной цепи, в дорожном плаще поверх утреннего платья. На её седых волосах блестели капли тумана. Она оглядела вскрытую нить, колпак в руках Кайра и кальку у Леи.

— Господин смотритель, — сказала Эстер, — больница восстановлена?

— Да, госпожа председательница.

— Возвращайтесь к людям. О случившемся доложите только своему главному врачу. Стража проводит вас.

Смотритель помедлил, посмотрел на Кайра, затем на зажёгшиеся окна и ушёл. Один стражник поднялся с ним. Второй остался у лестницы.

Эстер дождалась, пока шаги стихнут.

— Лея, вы обещали не покидать мост.

— Я на служебной площадке восточного устоя. По строительной описи она относится к мосту.

— Разумеется. Я сама учила вас читать приложения.

В её голосе не было ни одобрения, ни раздражения. От этого Лее стало холоднее, чем от ветра.

Кайр поднял стеклянный колпак.

— А двусмысленности вы тоже учили прятать в приложениях?

Эстер посмотрела на него так, как смотрят на незнакомый инструмент, найденный в собственном ящике.

— Кайр Вельт. Вы должны были быть доставлены в Палату.

— Меня доставили к причине задержания. Составительница Арден экономит общественное время.

— Она больше не ведёт это дело.

Лея выпрямилась.

— Я приняла цену остановки и имею право завершить локальную проверку.

— Локальную — да. Городскую — нет.

Эстер спустилась на последнюю ступень и протянула руку. Лея отдала ей кальку, но не книжицу Невиса. Председательница развернула лист. Её взгляд остановился на сгибе, под которым скрывалась метка, и задержался на долю секунды.

Этого хватило.

— Вы знаете знак, — сказала Лея.

— Я знаю все редакционные знаки Палаты.

— Этот ваш.

Кайр перестал улыбаться.

Эстер разгладила кальку на ладони.

— Двадцать два года назад мы сшивали город после зимы пустых складов. Формулы переносили из десятков ведомств. Мои отметки стоят на сотнях узлов.

— Здесь не перенос, — сказала Лея. — Здесь сознательная двусмысленность. Условие заменено причиной. Цена частного отказа направлена в больницу, а оттуда — в завтрашние согласия жителей.

— И вы уже отделили петлю.

— На одном мосту.

— Значит, сегодня больница работает, мост стоит и люди снова могут выбирать дорогу. Хороший результат для утра, которое вы начали с остановки городского объекта.

— Сколько таких петель?

Эстер сложила кальку по прежним сгибам.

— Ответ на этот вопрос сейчас опаснее самой неисправности.

— Для кого? — спросил Кайр.

— Для тех, кто лежит в палатах наверху. Для районов, где воду качают обещаниями. Для рынков, получающих хлеб по срочным цепям. Если сегодня объявить, что городской резерв принимает чужую цену, люди начнут разрывать договоры одновременно. Не потому, что все договоры несправедливы, а потому, что никто не будет знать, какие заражены.

— Вы предпочитаете, чтобы они не знали, что их отказ уже учтён, — сказал Кайр.

— Я предпочитаю, чтобы завтра наступило.

Ветер качнул бечёвку между Леей и Кайром. Обычное волокно не светилось и ничего не гарантировало. Каждый из них мог выпустить конец.

Эстер повернулась к Лее.

— Через шесть дней обновляется Договор Завтра. До церемонии находка остаётся в закрытом контуре Палаты. Вы передадите книжицу и свои записи Кевену. Господин Вельт подпишет обязательство о неразглашении и будет освобождён до вызова.

— Нет, — сказал Кайр.

Стражник у лестницы положил руку на дубинку.

— Это не предложение, — сказала Эстер.

— Тогда не называйте обязательством. Называйте приказом и платите за принуждение сами.

Лея ожидала резкого ответа, но Эстер лишь устало посмотрела на погасшую трещину.

— Вот почему город не может строиться на расторгателях. Вы видите дверь, но не дом, который останется без стены.

— А вы видите дом и не замечаете запертых внутри.

— Довольно, — сказала Лея.

Они оба посмотрели на неё, и это было почти оскорбительно: словно до этого она присутствовала только как предмет спора.

Лея вынула из футляра книжицу Невиса.

— Я передам улику Кевену после составления описи. Мои записи останутся в двух экземплярах. Один — в закрытом архиве Палаты. Второй — у независимого свидетеля без права публикации до проверки городских узлов.

— Вы не уполномочены назначать свидетеля, — сказала Эстер.

— Я уполномочена фиксировать обнаруженную цену. Если Палата заберёт единственный экземпляр, цена молчания снова окажется у тех, кто не соглашался.

— А если ваш свидетель заговорит, цена паники окажется у всего города.

— Поэтому срок молчания должен быть точным, а выход — возможным.

Кайр тихо выдохнул. Лея не поняла, было ли это смехом.

Эстер подошла ближе. Теперь их разделяла только граница площадки.

— Назовите срок.

— До полудня завтра. К этому времени Кевен предоставляет перечень всех узлов с парными причинно-условными формулами. Если перечень существует и проверка начата, молчание продлевается отдельным согласием. Если нет, находка передаётся городскому судье.

— Шесть дней.

— Один.

— Вы торгуетесь безопасностью Лиграна.

— Нет. Я отказываюсь обещать шесть дней, не зная объёма цены.

Эстер долго смотрела на неё. Когда-то этот взгляд заставлял Лею проверять каждую строку до рассвета, пока одобрение наставницы не казалось единственным доказательством правильности. Теперь за одобрением проступила другая мера: насколько ученик удобен системе, которую научился читать.

— До полудня завтра, — наконец сказала Эстер. — Господин Вельт остаётся под вашим надзором и не разглашает увиденное. Вы не разглашаете метку и схему переноса. В полдень мы либо предъявляем перечень, либо вы свободны обратиться к судье.

— Цена нарушения? — спросила Лея.

— Отстранение от Палаты навсегда.

— Это моя цена. Не его.

Эстер перевела взгляд на Кайра.

— Для него — немедленное рассмотрение всех проведённых расторжений за последние пять лет.

— Это угроза, а не принадлежащая мне цена, — сказал он. — Рассмотрение относится к другим людям.

Лея почувствовала странное, почти болезненное удовлетворение. Он услышал правило не хуже неё.

— Тогда предложите своё, — сказала Эстер.

Кайр посмотрел на больничный колпак, потом на шрам под манжетой.

— До полудня я не провожу ни одного расторжения. Если нарушу — теряю оплату по всем открытым поручениям этого месяца. Деньги принадлежат мне, срок понятен, третьи лица свободны нанять другого.

— Принято, — сказала Эстер.

Лея сняла серебряную пряжку с вскрытой нити и положила её на медь. Кайр, всё ещё стоя на набережной, коснулся другого конца бечёвки. Эстер накрыла ладонью кальку.

Они произнесли условия по очереди. Медь удержала срок, стекло — границу молчания, обычная бечёвка не удержала ничего и потому осталась самым честным предметом между ними.

Когда формула замкнулась, в трещине проступил тонкий синий свет.

Лея увидела завтрашний мост снова. Теперь по нему шли три фигуры: она, Кайр и Эстер. У середины одна дорожка раздваивалась. На одной председательница вела их к Палате. На другой мост был пуст, а над городом не звонили полуденные часы.

Видение исчезло.

Эстер отдала кальку Лее.

— Составьте опись. Затем приведите господина Вельта в Палату боковым входом. Без шума.

Она поднялась по лестнице. Стражник последовал за ней.

Кайр подождал, пока наверху стихнут шаги.

— Вы всегда спорите с начальством, стоя в сточной воде?

— Только когда начальство оставляет мне сухое место шириной в одно условие.

— И что теперь, надзирательница Арден?

Лея посмотрела на узел. Её обещание не покидать мост сохранялось: цена была найдена, но ещё не измерена. Формально она могла считать условие исполненным. Честно — нет.

Она развязала бечёвку на запястье и бросила свой конец Кайру. Он поймал.

— Теперь мы измерим трещину, — сказала она. — Всю.

— До Палаты или вместо неё?

— По дороге.

— Это не ответ.

Лея ступила с площадки на набережную. Медная линейка под рёбрами исчезла: обещание приняло найденную цену, хотя её объём оставался открытым.

— Привыкайте, — сказала она. — В городе появилась сознательная двусмысленность.

Глава 4. Цена чужого отказа

К боковому входу Палаты мер вели триста двенадцать ступеней и ни одной прямой улицы.

Лея знала это точно, потому что Кайр считал вслух.

— Двести восемьдесят семь, — произнёс он, когда они свернули под арку красильщиков.

— Если вы хотели измотать задержанного, можно было выбрать лестницу.

— Вы не задержанный.

— Я под надзором.

— Это положение между задержанием и здравым смыслом.

— У вас для всего есть промежуточная формулировка?

— Для всего, что не помещается в ложную пару.

Он замолчал на четыре ступени. Лея отметила это как маленькую победу и сразу пожалела: молчание сделало заметнее его неровное дыхание.

После больницы Кайр побледнел. Рука со шрамом оставалась в кармане, плечо с этой стороны он держал выше. Но когда Лея предложила экипаж, он спросил, входит ли поездка в цену её надзора. Пришлось идти пешком.

— Покажите ладонь, — сказала она.

— Обычно к этой просьбе люди приходят после ужина.

— Обычно люди не проводят через руку цену городского договора.

— Вот поэтому ваши ужины скучнее моих.

Улица перед ними на мгновение дрогнула. Над булочной висела доска с обещанием свежего хлеба до полудня; медные буквы потускнели, и очередь одновременно подняла головы. Затем свет вернулся.

Кайр тоже заметил.

— Ещё одна петля?

— Возможно, просто задержка печи.

— Вы не верите в «просто».

— После сегодняшнего утра я не верю даже в печи.

Она вошла в узкий проулок у Палаты. Здесь не было торговых обещаний, только глухие стены и водостоки. Боковая дверь открывалась служебным ключом Леи, хотя её назначение отменили. Значит, Эстер лишила её будущей должности, но не текущего доступа. Точная мера наказания. Или незаконченная работа.

Внутри дежурный писец поднялся из-за стола.

— Госпожа Арден. Старший составитель Кевен распорядился проводить вас в комнату ожидания, а господина Вельта — в нижнюю караульную.

— Распоряжение письменное?

Писец показал карточку.

Лея прочла: «Доставленного расторгателя поместить отдельно до решения председательницы».

— Его не доставили, — сказала она. — Он явился по ограниченному поручению.

— По какому поручению?

— Сейчас оформлю.

Кайр наклонился к ней:

— Вы освобождаете меня до того, как меня заперли? Это почти оскорбительно для порядка событий.

— Не мешайте мне спасти вас от сырого подвала.

— Я тронут. У вас даже милосердие звучит как выговор.

Лея взяла со стола чистый бланк. Полномочия заверять городские договоры она потеряла, но частное поручение не требовало городской печати. Требовались две стороны, ясная работа и принадлежащая каждой цена.

Она написала: «Кайр Вельт по поручению Леи Арден участвует в описи следов переноса, обнаруженных на Южном мосту и в Часовой больнице, до полудня следующего дня либо до отдельного прекращения любой стороной».

— Работа? — спросил Кайр.

— Вы видите обетные связи, которых не вижу я. Я имею доступ к реестру, которого нет у вас.

— Оплата?

— Один серебряный за час.

— Четыре.

— Два.

— Три и право получить копию описи после снятия режима молчания.

— Два и копия тех страниц, где нет личных сведений третьих лиц.

— Три. За вредность общения с Палатой.

— Два с половиной.

— Принято.

Писец следил за ними, забыв закрыть рот.

Лея дописала цену досрочного отказа: каждый сохранял сделанное и возвращал полученные материалы; оплата начислялась только за завершённые часы. Ни ареста, ни потери права на профессию, ни чужого труда.

Кайр прочитал дважды.

— Здесь не сказано, что я обязан соглашаться с вашими выводами.

— Именно поэтому здесь написано «участвует», а не «подтверждает».

Он поставил подпись. Лея подписала следом. Они не закрепляли поручение магией: до полудня Кайр всё равно не мог принимать новые обеты без потери месячной оплаты, а обычного письменного согласия было достаточно для доступа.

— Господин Вельт теперь приглашённый специалист, — сказала Лея писцу. — Караульная отменяется.

— Но старший составитель распорядился...

— Поместить доставленного расторгателя. Такого здесь нет.

Кайр положил ладонь на грудь.

— Я всегда мечтал перестать существовать благодаря грамматике.

Писец сдался и выдал им два серых жетона закрытого архива.

Комната городских связей занимала подземный зал под часовой башней. Вдоль стен стояли шкафы с медными корешками, а в центре под стеклянным полом сходились нити общественных служб. Белые тянулись к больницам, голубые — к водоводам, красные — к мостам и дорогам, жёлтые — к рынкам. Обычно они светились ровно и отдельно.

Сегодня под стеклом лежала грязная радуга. Цвета пересекались там, где не должны были касаться друг друга.

Кевен ждал у стола. Он был старше Леи на двенадцать лет, всегда носил безукоризненно прямой воротник и славился формулами, в которых человек мог заблудиться, но магия — никогда.

— Ты привела его сюда, — сказал он вместо приветствия.

— По ограниченному поручению.

Кевен взял бланк, прочёл и поморщился.

— Ты лишена права заверять.

— Поручение не заверено магически и не относится к городу.

— Оно даёт постороннему доступ к закрытым данным.

— Доступ даёт мой жетон и соглашение Эстер до полудня.

— Председательница велела подготовить перечень, а не устраивать представление.

Кайр оглядел нити под полом.

— Представление уже идёт. Мы пришли после первого действия.

Кевен положил перед Леей толстую папку.

— Сорок три узла с парными формулами. Все изолированы от обновления. Можешь передать председательнице, что требование выполнено.

Слишком быстро.

От Южного моста до Палаты они шли меньше часа. За это время невозможно было проверить городской реестр, найти все замены союзов и подтвердить связи. Значит, перечень существовал раньше.

Лея открыла папку. На каждой странице стояли номер службы, исходная формула, двойная редакция и получатель цены. Часовая больница значилась под номером восемь. Южный мост — как источник последнего переноса.

— Когда это составлено?

— Сегодня.

— Чернила сухие.

— В архиве сухой воздух.

Кайр провёл пальцем над краем страницы, не касаясь.

— Бумага слежалась.

Кевен закрыл папку.

— Расторгателям не платят за оценку бумаги.

— Мне платят за следы переноса. Бумага помнит давление соседних листов. Эта папка лежала закрытой не меньше года.

Лея снова раскрыла её, теперь ближе к корешку. На полях стояли даты проверок. Самая ранняя — семь лет назад. Напротив нескольких узлов было написано: «Сохранить до общего обновления».

— Вы знали, — сказала она.

Кевен отвёл взгляд к стеклянному полу.

— Мы наблюдали.

— Семь лет?

— Городские связи нельзя вынимать по одной, как плохие нитки из чулка. Уберёшь отвод с водовода — цена ляжет на насосчиков. Снимешь её с насосчиков — останутся резервуары. Иногда несправедливая опора лучше немедленного обрушения.

— Для тех, кто не несёт цену, — сказал Кайр.

— Для всех, кто пьёт воду.

Лея листала страницы. Больницы. Водоводы. Три моста. Зерновой рынок. Пожарные цистерны. Ночлежные дома. Цена отказов от ученических договоров уходила в уличное освещение; цена расторгнутых перевозок — в насосную станцию; цена неоплаченных сверхурочных — в зимний запас угля.

Система не просто прятала ущерб. Она превращала общественную пользу в оправдание каждого частного принуждения.

— Кто разрешил переносы? — спросила Лея.

— Комиссия восстановления после Холодной зимы.

— Чьи согласия приложены?

— Тогда город был в чрезвычайном положении.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Кайр присел у края стеклянного пола. Под ним голубая нить водовода проходила сквозь красную мостовую и выходила жёлтой. Он медленно повёл ладонью над стеклом.

— Сорок три — неправда.

Кевен шагнул к нему.

— Не прикасайтесь.

— Я и не касаюсь. Здесь больше.

— Вы не можете видеть реестр без настроечного стекла.

— Реестр — нет. Цену — могу.

Кайр закрыл глаза. Белый шрам на его ладони посинел. Под полом одна за другой проступили чёрные прожилки. Они расходились от обозначенных узлов, но часть уходила под шкафы, за пределы открытой схемы.

Лея насчитала пятьдесят одну.

Потом свет дошёл до дальней стены, и там отозвалась толстая медная жила, не отмеченная ни одним цветом.

Кайр отдёргнул руку.

— Пятьдесят два, — сказал он.

— Такого канала нет, — ответил Кевен слишком быстро.

Лея подошла к стене. Перед медной жилой стоял шкаф с архивом прекращённых договоров. На его ножках не было пыли: шкаф недавно двигали.

— Помогите, — сказала она.

Кевен преградил путь.

— Перечень подготовлен. Ваше условие выполнено.

— Условие требовало всех узлов.

— Оно требовало перечень парных причинно-условных формул. Я его дал.

— А это сформулировано иначе?

Он молчал.

Кайр усмехнулся без веселья.

— Сознательная двусмысленность не в меди. Она разговаривает с нами.

Лея обошла Кевена. Он схватил её за локоть, и в ту же секунду Кайр оказался между ними. Не угрожая, не поднимая руки — просто занял пространство так точно, что Кевену пришлось отпустить.

— Ограниченное поручение, — напомнил Кайр. — В нём есть участие.

Вдвоём они отодвинули шкаф. За ним обнаружилась узкая дверца без ручки, запечатанная старой медью. Надпись была короткой:

«Резерв личной непрерывности».

Лея перечитала её.

— Что это значит?

Кевен сел на край стола.

— Не знаю.

— Вы только что не дали нам открыть дверь.

— Потому что мне велели не давать её открывать.

— Кто?

Он посмотрел на редакционную метку Эстер в папке.

Ответа не требовалось.

Кайр стоял очень тихо. Из-под его манжеты по запястью поднималась синяя сетка, такая же, как у больницы. Медная жила за дверцей отзывалась на каждый удар его сердца.

Лея увидела связь и не успела скрыть, что увидела.

— Это не общественная служба, — сказала она.

— Нет, — ответил Кевен.

— Тогда почему через неё проходит городской резерв?

— Я не знаю.

Кайр посмотрел на дверь, словно она была могилой с его именем.

— Потому что кто-то сделал общественной службой человека.

В коридоре зазвонил внутренний колокол. Один удар означал вызов председательницы.

Два — закрытие архива. Прозвучало три.

Тревога городского договора.

Под стеклянным полом сразу потускнели все пятьдесят две прожилки. Где-то наверху остановились часы, и тишина от их отсутствия тяжело легла на потолок.

Кевен побелел.

— До обновления ещё шесть дней.

Лея прижала папку к груди.

— Значит, кто-то начал раньше.

Дверь «Резерва личной непрерывности» щёлкнула изнутри.

Глава 5. Обещание на один день

После третьего удара тревоги часы не остановились — они забыли, что должны идти.

Лея поняла это по секундной стрелке над дверью архива. Та не замерла на делении, как при поломке механизма, а дрогнула между двумя чёточками и стала прозрачной. За ней исчезла минутная. На белом циферблате осталась одна часовая стрелка, указывавшая на безымянный промежуток между одиннадцатью и полуднем.

Под стеклянным полом погасла красная нить Южного моста.

— Насколько плохо? — спросил Кайр.

Кевен уже листал папку, будто ответ мог лежать между страницами.

— Тревога означает расхождение между городским сроком и общим ходом часов.

— Я спросил не определение.

— Я тоже, — сказала Лея. — Что перестанет работать первым?

Кевен поднял голову. За его спиной медная дверца в резерв стояла приоткрытой на ширину ладони. Из темноты тянуло сухим холодом.

— Ничего не должно перестать. Контур обязан удерживать службы до обновления.

— Контур только что потерял мост.

— Возможно, обозначение.

— Когда рушится обозначение моста, людям внизу безразлично, как вы назовёте камни у них над головой.

Лея опустила на колено и коснулась края стекла. Холод прошёл в пальцы. Красная линия не исчезла целиком: от неё остался бесцветный желоб, по которому ещё бежали редкие искры. Договор не разрушился. Он перестал обещать, что продолжится в следующую минуту.

В коридоре закричали. Дежурный писец влетел в зал без стука, сжимая три карточки.

— Водовод на востоке не принимает новые заявки. Рыночные весы не заверяют срок хранения. И мостовые смотрители спрашивают, считается ли сегодняшний день рабочим.

— Считается, — отрезал Кевен.

— Часы не подтверждают.

— Передайте: действовать по последнему заверенному часу.

Писец повернулся к выходу.

— Нет, — сказала Лея.

Он остановился.

Кевен закрыл папку.

— Ты не распоряжаешься Палатой.

— А ты сейчас распорядился городом на основании формулы, которой нет в реестре. «Последний заверенный час» — это что? Продление всех обязательств? Замораживание сроков? Обязан ли ночной смотритель стоять на посту бесконечно, если полдень не наступит?

— Нам нужна единая команда.

— Нам нужны команды с пределами. — Лея посмотрела на писца. — Передайте службам: исполнять только действия, необходимые для непосредственной безопасности людей. Новые обязательства не принимать. Смены не продлевать без отдельного согласия работников. Через четверть часа будет уточнение.

— Кто его подпишет?

Лея раскрыла рот и не ответила.

Права заверять городские договоры у неё не было. Кевен мог подписать распоряжение, но уже смотрел на неё так, словно она предлагала разобрать плотину во время паводка. Эстер находилась неизвестно где. А без подписи Палаты сообщение стало бы советом, который каждая служба истолкует по-своему.

Кайр взял одну карточку у писца, перевернул и написал на обороте.

— «Рекомендация независимого расторгателя: не считать остановку срока согласием на бессрочное продолжение». Подпись. Теперь у них будет хотя бы второй голос.

— Вы не уполномочены, — сказал Кевен.

— Поэтому и написано «рекомендация». Я удивительно хорошо различаю власть и совет. Писец посмотрел на Лею.

— Передайте оба, — сказала она. — Распоряжение старшего составителя и рекомендацию расторгателя. Пусть руководители служб знают, что толкование оспаривается.

Когда дверь за писцом закрылась, Кевен произнёс:

— Ты создаёшь разногласие во время тревоги.

— Оно уже существует. Я не позволю тебе спрятать его в одной фразе.

Медная дверца за его спиной открылась ещё на палец.

Кайр поморщился и прижал руку к боку.

Лея заметила, как синяя сетка под его кожей вспыхнула в такт движению двери.

— Отойдите от неё.

— Прекрасный совет. Жаль, она не отходит от меня.

Он сделал шаг назад. Дверца скользнула вперёд, сохраняя расстояние между ним и целью. Петли не двигались. Медь растягивалась из стены, как отражение, которое не желало отпускать человека.

Кевен отступил первым.

— Это невозможно.

— Запишите, — сказал Кайр. — Для архива невозможного.

Лея взяла его за запястье, прежде чем успела решить, имеет ли право. Под пальцами бился слишком частый пульс. Синяя сетка потянулась к её ладони и остановилась у кожи, не переходя на неё.

— Больно?

— Любопытно, что вы сначала схватили, потом спросили.

Она отпустила.

— Больно?

— Как если бы кто-то дёргал за шов, не сообщив, что я был зашит.

Кайр смотрел не на неё, а на дверцу. Насмешка осталась в голосе, но исчезла из лица.

Лея перевела взгляд на частное поручение, лежавшее на столе. Опись следов переноса. Доступ к реестру. Оплата по часам. Они предусмотрели материалы, сведения третьих лиц, даже досрочный отказ. Но не предусмотрели дверь, которая тянет одного из них внутрь, остановку городского времени и право другого удержать его ради безопасности.

Именно такие пустоты люди обычно заполняли властью.

— Наше поручение больше не соответствует работе, — сказала она.

— Наконец-то я плохо соответствую официальной бумаге по уважительной причине.

— Я прекращаю его.

Кевен вскинулся:

— Тогда он снова посторонний. Я обязан вызвать караул.

— Вы обязаны сначала установить, куда делось время, — ответил Кайр. — Но каждый выбирает ремесло по сердцу.

Лея взяла бланк и перечеркнула незаполненную строку следующего часа.

— Работа прекращена по инициативе Леи Арден в связи с изменением предмета поручения. Выполнено два полных часа. Копии записей о пятидесяти двух каналах выдаются после удаления личных сведений.

— Вы ещё не получили копии, — заметил Кайр.

— Получите.

— Это обещание?

Лея подняла на него глаза.

— Условие расчёта.

— Уже лучше.

Он подписал прекращение. Лея поставила подпись рядом. Бумага не засветилась: их соглашение оставалось обычным, но от этого не становилось менее настоящим.

Кевен шагнул к настенному шнуру караула.

— Не тратьте движение, — сказал Кайр. — До звонка я заключу новое соглашение.

— С кем?

— С человеком, который умеет оставлять в тексте место для моего «нет».

Лея почувствовала, как эти слова легли между ними, слишком весомые для шутки. Она подвинула к себе два чистых листа.

— Не одно соглашение, — сказала она. — Два.

— Вы мне настолько не доверяете?

— Я не доверяю договору, в котором наши разные риски делают вид, будто они общие. На первом листе она написала своё имя.

«Лея Арден до заката текущего дня предоставляет Кайру Вельту доступ к тем помещениям, записям и служебным объяснениям Палаты мер, которые необходимы для установления связи между Резервом личной непрерывности, тревогой Договора Завтра и его собственным обетным следом».

Кайр прочёл через её плечо.

— «Необходимы» решаете вы?

— Решаем отдельно для каждого предмета. При разногласии доступ не предоставляется, а отказ записывается с причиной.

— Тогда Палата сможет отказать во всём и составить красивый список причин.

— Палата здесь ни при чём. Обязательство моё.

— Вы говорите это в её архиве её чернилами.

Лея переложила служебное перо на край стола, достала из кармана короткий дорожный карандаш и продолжила им.

— Теперь лучше?

— Несравнимо. Сердце мятежа — графит длиной в два пальца.

Она дописала: «Лея не скрывает обнаруженные сведения о Кайре от него самого и не принимает от его имени решения о допустимом для него риске. Она вправе отказать идти дальше, открыть конкретную дверь или передать сведения третьих лиц. Отказ не считается нарушением и не ограничивает право Кайра прекратить собственное участие».

— Цена? — спросил он.

— При сознательном сокрытии сведений о вас я передаю вам все сделанные мною копии и до заката лишаюсь доступа к расследованию.

— Цена снова касается работы, а не вашей памяти, свободы или крови. Подозрительно разумно.

— Я учусь на чужих плохих примерах.

— На моих?

— Вы пока только средний.

Кайр улыбнулся. На мгновение в зале снова стало возможно дышать.

— Добавьте: вы не обязаны физически удерживать меня, даже если считаете мой выбор опасным.

Карандаш замер.

— Если вы решите прыгнуть в шахту?

— Вы можете мешать мне как человек. Не как сторона договора, которой заранее принадлежит последнее слово.

— Разница утешит вас при падении?

— Разница утешит меня до него.

Лея посмотрела на синюю сеть у его запястья. Ей хотелось записать право остановить его при угрозе жизни, назвать это осторожностью и не замечать, что речь шла о его жизни. В этом желании было что-то знакомое: так Кевен только что пытался продлить смены ради безопасности города. Так Палата годами перекладывала цену, потому что обрушение казалось хуже принуждения.

Она написала требуемую строку.

— Но я сохраняю право спорить, предупреждать и встать у вас на пути.

— Если я сохраню право вас обойти.

— Если не столкнётесь.

— Сурово. Принято.

Лея поставила подпись, но не произнесла формулу. Лист оставался предложением.

Кайр взял второй.

«Кайр Вельт до заката текущего дня исследует доступные ему обетные следы Резерва личной непрерывности и сообщает Лее Арден всё, что способен различить, не подвергая себя риску, на который не согласился отдельно».

— Вы оставили себе возможность сказать, что не способны различить очевидное, — заметила Лея.

— А вы оставили себе возможность не открыть дверь. Симметрия успокаивает.

Он добавил: «Кайр не расторгает, не надрезает, не принимает на себя и не переводит на другого человека ни одной связи без отдельного решения после раскрытия известной цены. Лея вправе отказаться участвовать в любом действии. Её отказ не прекращает её доступ к собственным записям и не делает её ответственной за последующий выбор Кайра».

— Последнее слишком удобно для вас.

— Для вас. Если я сделаю глупость после вашего отказа, вы не сможете объявить себя её соавтором.

— Я и без договора различаю ответственность.

Кайр посмотрел на неё дольше, чем требовал спор.

— Тогда эта строка ничего у вас не отнимает.

Лея не нашла ответа.

Он продолжил: «При сознательном сокрытии обнаруженного следа Кайр передаёт Лее право публично раскрыть факт такого сокрытия и прекращает до заката любую работу с обетами».

— Вам и так запрещены расторжения до полудня завтра, — сказала она.

— Работа с обетами шире расторжения. Я мог бы консультировать, искать трещины, давать советы. Цена принадлежит мне и что-то у меня отнимает.

— А если вы ошибётесь?

— Ошибка не нарушение. Только известное мне и сознательно скрытое.

Он подписал лист.

Кевен всё это время стоял у шнура караула. Теперь его рука медленно опустилась.

— Два частных договора не дают права входить в городской резерв.

— Верно, — сказала Лея. — Право входа даст тот, кому принадлежит помещение. Если принадлежит городу, нужен приказ. Если Кайру — его согласие. Если никому, Палата семь лет хранила то, чем не имела права распоряжаться.

— А если это часть Договора?

— Тогда Договор только что сам открыл дверь.

Кайр постучал ногтем по своему листу.

— Осталась мелочь. Почему до заката?

— Потому что мы можем представить один день. Всё, что дальше, сейчас было бы при творством.

— Закат может не наступить, если часы не вспомнят время.

Лея взглянула на бледный циферблат.

— Тогда до первого из двух событий: видимого захода солнца или восстановления городского счёта суток. Не дольше двенадцати часов по независимому ходу карманных часов Кевена.

Кевен машинально накрыл жилетный карман ладонью.

— Мои часы не являются общественным прибором.

— Именно поэтому им сейчас можно верить, — сказал Кайр.

После короткой борьбы с самим собой Кевен достал часы. Стрелки под крышкой шли. Без медной печати, без связи с башней, простой пружинный механизм отсчитывал секунды, не спрашивая разрешения у города.

Лея вписала предел в оба листа.

— И способ прекращения, — напомнил Кайр.

— Любой из нас говорит: «Я прекращаю свой договор». Исполнение останавливается сразу. Сделанные записи остаются у обоих. Никакой дополнительной цены за выход.

— Почему без цены?

— Потому что выход — не проступок.

Кайр перестал улыбаться.

— Произнесите ещё раз.

Лея поняла, что он проверяет не формулу.

— Выход не проступок.

Она положила ладонь на первый лист.

— Я, Лея Арден, принимаю записанные здесь границы до указанного срока. Обещаю не скрывать от Кайра Вельта сведения о нём самом и не решать за него, какой риск он обязан принять.

Графитовые строки блеснули. В бумаге проступила тонкая стеклянная кайма — условие. Затем вдоль края легла медная искра — срок. Ни одной нити между ними не возникло.

Кайр заметил это одновременно с ней.

— Договор без связи?

— Мой договор связывает меня с моим действием, а не с вами.

Он коснулся второго листа.

— Я, Кайр Вельт, принимаю записанные здесь границы до указанного срока. Обещаю сообщать всё, что различу, и не изменять ни одной связи без отдельного раскрытого решения.

На его листе тоже появились стекло и медь. Между бумагами осталось пустое пространство.

И всё же Лея ощутила связь яснее, чем если бы на столе вспыхнула нить.

Не общая петля. Два человека, каждый из которых держал собственный конец и мог разжать руку.

Дверца перестала тянуться к Кайру.

Она распахнулась.

За ней не было комнаты. Узкая лестница уходила вниз внутри стены, хотя под архивом, согласно планам Палаты, лежал только каменный фундамент. На первой ступени светилась синяя полоска, похожая на шрам Кайра.

— Я пойду первым, — сказал он.

— На каком основании?

— Если лестница решит съесть того, кого узнаёт, вы сможете сделать профессиональную запись.

— Отказано.

— Тогда вы первая?

— Тоже отказано. Идём рядом, пока ширина позволяет.

Кевен достал из шкафа служебный фонарь.

— Я с вами.

Лея посмотрела на него.

— По чьему приказу?

— Я семь лет проверял перечень и ни разу не спросил, почему в нём сорок три узла, если номера доходят до пятидесяти двух. Считайте это запоздалым вопросом.

— Это не договор.

— Нет. — Он зажжёт фитиль. — Поэтому я могу передумать.

Они вошли втроем.

На шестой ступени дверца закрылась, но фонарь Кевена не погас. На двенадцатой исчез звук архива. На девятнадцатой Лея увидела в стенах тонкие стеклянные пластины. В каждой застыло незаконченное движение: рука над неподписанным бланком, нога у развилки, губы перед ответом. Не воспоминания — в них не было прошлого. Возможности, остановленные прежде, чем стали выбором.

Кайр не касался стен. Его ладонь с каждым шагом светила ярче.

— Что вы видите? — спросила Лея.

— Следы выхода.

— Из чего?

— Из решений, которых люди ещё не приняли.

Кевен поднял фонарь. В стекле справа молодая женщина держала два письма. В одном отражении она вскрывала левое, в другом — правое. Второе изображение медленно бледнело, отдавая свет в медную жилу под ступенями.

— Резерв питается не нарушениями, — прошептал он.

— Нет, — сказала Лея. — Он питается невыбранным.

Лестница закончилась круглым залом. По стенам стояли тысячи узких ячеек, и в каждой мерцала стеклянная пластина. Одни были яркими, другие почти пустыми. Медные дорожки собирали их свет к центру, где возвышалось кресло с ремнями на подлокотниках.

Ремни были детскими.

Кайр остановился так резко, что Лея едва не коснулась его плеча. Она удержала руку.

Не решать за него. Не удерживать договором. Спорить можно. Быть рядом можно.

— Я вижу ваше имя, — сказала она.

На спинке кресла под поздними слоями меди проступали буквы: «КАЙР ВЕЛЬТ, шесть лет». Ниже стояла дата старого обновления Договора.

Кевен выругался одним тихим словом и сразу прикрыл рот, словно даже теперь боялся нарушить архивную тишину.

Кайр подошёл ближе.

— Не трогайте, — сказала Лея.

Он повернул голову.

Она заставила себя продолжить:

— Это предупреждение, не приказ. Я не знаю цены касания.

— Спасибо.

Он присел перед креслом, не касаясь меди. Синяя сеть на его руке совпала с дорожками под ремнями.

В центральной пластине появилось лицо женщины. Тёмные волосы были собраны на затылке, глаза казались огромными от бессонницы. Она держала маленького мальчика и говорила без звука. Лея прочла по губам только последние слова.

Пусть у него будет завтра.

Медь вспыхнула.

Все пластины в зале одновременно отдали по искре в кресло. Наверху, далеко за камнем, городские часы ударили четверть — не ту, которая должна была наступить, а ту, которую кто-то выбрал вместо неё.

Кайр пошатнулся.

Лея встала у него на пути.

Он мог обойти. Она обещала это право.

Но он не обошёл.

— До заката, — сказал Кайр, глядя на собственное имя. — Мы обещали работать до заката.

— Или меньше.

— Или меньше, — повторил он.

И впервые это прозвучало не как запасной выход, а как причина остаться.

Глава 6. Архив ненаступивших решений

Кайр первым заметил, что женщина в центральной пластине повторяет одни и те же три движения.

Она прижимала мальчика к груди, отворачивалась от невидимого собеседника и снова произносила беззвучное: «Пусть у него будет завтра». Затем медь вспыхивала, лицо исчезало и возникало сначала. Не воспоминание, поняла Лея. Запись условия, которое продолжало исполняться.

— Её имя есть? — спросил Кайр.

Он стоял достаточно близко, чтобы прочесть надпись на кресле, но не касался его. Лея видела усилие, с которым он держал правую руку вдоль тела. Синяя сеть под кожей тянулась к ремням, как железная стружка к магниту.

Кевен поднял фонарь к основанию пластины.

— Метка закрыта напайкой.

— Снимете её? — спросила Лея.

— Без приказа председателя я не имею права повреждать имущество Палаты.

Кайр коротко рассмеялся.

— Отлично. Если нас погребёт под украденным будущим, имущество останется цело.

Кевен не ответил. Он повернул фонарь, и на нижней стороне медного обода проступил ряд насечек. Девять длинных, между ними — сотни коротких.

Лея присела. Каждая длинная черта соответствовала обновлению Договора Завтра. Короткие располагались неравномерно: теснились после эпидемии, редели в спокойные годы, снова сгущались рядом с датой Северного голода.

— Это не хранилище, — сказала она. — Это расходная книга.

В стене справа тихо звякнуло стекло.

Одна из ячеек потемнела. В ней молодой пекарь протягивал кому-то ключ, но движение его пальцев оборвалось. Свет стекался по медной дорожке к креслу, от кресла — под пол и дальше, в город.

На месте изображения осталась гладкая серая пластина.

— Что именно исчезло? — спросил Кевен.

Кайр подошёл к ячейке, остановившись в ладони от стекла.

— Возможность отдать ключ. Не поступок. Он ещё никому его не отдал.

— Откуда вы знаете?

— След не закрыт последствием. У сделанного выбора есть обратная кромка: то, от чего отказались. Здесь её нет.

Лея всмотрелась в соседние пластины. Женщина у двух дверей. Старик над пустым бланком. Девочка, занёсшая мел над линией на мостовой. В каждой записи действие делилось надвое, но один вариант был ярче другого.

— Значит, Резерв хранит оба будущих решения?

— Нет. — Кайр показал на тусклую половину пластины. — Одно остаётся человеку. Второе забирают сюда.

— Нельзя забрать то, чего ещё нет.

— Скажите это пустой ячейке.

Снова зазвенело стекло. Теперь сразу в трёх местах.

По стенам прошла тусклая волна. Медные дорожки налились светом, и далеко наверху глухо ударили часы. Один удар. За ним второй — слишком быстрый, будто город торопился наверстать пропущенное время.

Кевен вынул карманные часы. Их секундная стрелка шла ровно.

— Башня отстаёт от нас на семнадцать минут.

— И покупает эти минуты здесь, — сказала Лея.

Она обошла кресло. От его основания отходили не пятьдесят две дорожки, как от скрытой двери, а четыре толстые магистрали. На каждой была выбита служебная формула: «непрерывность снабжения», «непрерывность заботы», «непрерывность пути», «непрерывность решения».

Последняя надпись казалась самой новой. Под ней виднелись следы прежних букв.

Лея провела ногтем рядом, не касаясь самой меди.

— Здесь было другое слово.

Кевен наклонил фонарь.

Под шлифовкой проступило: «согласия».

Кайр прочёл вслух:

— Непрерывность согласия. Удобная вещь. Согласившийся однажды больше не обременяет город переменой мнения.

— Нельзя обеспечить непрерывность согласия, — сказала Лея. — Можно только снова спросить.

— Именно поэтому слово заменили.

На дальней стене одна пластина лопнула. Из трещины вырвался белый свет, но вместо того чтобы уйти в магистраль, рассыпался по полу. Внутри мелькнул мужчина, шагавший с освещённой улицы в тёмный переулок. Через мгновение изображение начало стираться с лица.

Кайр рванулся к ячейке.

Лея поймала себя на желании приказать ему остановиться.

— Цена касания неизвестна, — сказала она.

— Тогда выясним другим способом.

Он сорвал с шеи обычный шнурок, на котором носил складной нож, и протянул свободный конец к стеклу. Шнурок не вспыхнул. Зато в пальцах Кайра дрогнула синяя сеть.

— Запись ещё связана с владельцем, — сказал он. — Очень слабо. Если стекло опустеет здесь, он не вспомнит, что мог свернуть.

— Но сам переулок останется?

— Останется. Только для него перестанет быть дорогой.

Лея представила город, в котором двери, профессии, дружбы и отказы существуют физически, но люди проходят мимо, не замечая их. Не тюрьма со стенами. Тюрьма, в которой заключённый уверен, что идёт куда пожелал.

— Как остановить стирание?

Кайр посмотрел на четыре магистрали.

— Перерезать отвод.

— Вы обещали не менять связи без отдельного решения после раскрытия цены.

— Поэтому пока я предлагаю, а не режу.

Кевен опустил у основания кресла и открыл узкую служебную крышку. Под ней лежали четыре рычага, запаянные стеклом. На крышке был выгравирован порядок аварийного отключения.

— Сначала должен быть обеспечен независимый запас служб, — прочитал он. — Затем требуется согласие председателя Палаты, смотрителя Резерва и владельца опорного следа.

— Кто смотритель? — спросила Лея.

Кевен молчал дольше, чем требовалось.

— Я.

— Вы не знали, что находится за дверью.

— Мне поручили сверять перечень, охранять вход и подтверждать, что печать цела. Я считал Резерв запасом уже принятых цен.

— А подписывали подтверждение чего?

— Что изъятия соответствуют правилам непрерывности.

В голосе Кевена не было оправдания. Только точность, которой он всегда гордился и которая сейчас резала его самого.

— Не читая правил? — спросил Кайр.

— Правила были запечатаны полномочием председателя.

— Значит, вы обещали, что невидимое соответствует непрочитанному.

Кевен закрыл глаза.

Ещё пять пластин потускнели. По залу побежал хрупкий треск.

— Потом, — сказала Лея. — Сейчас нам нужен независимый запас. Есть ли у служб механическое питание?

— У больницы — масло на четыре часа. У водовода — верхние баки примерно на три. Южный мост можно закрыть вручную. Рынок...

— Рынок переживёт день без магического разрешения торговать, — сказал Кайр. — Люди умеют считать монеты.

— Мы не знаем, день ли это. Башня не подтверждает ход времени.

Лея посмотрела на часы Кевена.

— Подтверждение не создаёт время. Пружина идёт. Солнце движется. Службам придётся работать по наблюдаемым мерам.

— Председатель не даст согласия на отключение.

— Мы ещё не просили.

— А пока просим, записи исчезают, — сказал Кайр.

Он был прав. Вопрос был не в том, нарушить ли порядок, а в том, какую часть вреда они готовы принять сейчас. Лея подошла к ближайшей целой ячейке. На латунной рамке имелись номер, дата появления и три буквы квартала. Имени не было.

— Как выбирают владельцев?

Кевен заглянул в служебную крышку.

— Здесь нет списка.

— Он должен быть. Магия не находит человека по номеру квартала.

Кайр снова протянул шнурок к стеклу, но теперь следил не за изображением, а за отражением нити в медной рамке.

— Находит не человека. Момент.

— Какой?

— Тот, когда он обещает себе что-то и не произносит вслух.

Лея хотела возразить: произнесённое обещание не оставляет следа. Но в рамке действительно мерцала нить — не между людьми, а между двумя краями одного движения. Стекло держало условие, медь — будущий срок, а нить связывала человека с его собственным намерением.

— Этого недостаточно для обета, — сказала она.

— Для законного — недостаточно. Для отбора, похоже, хватает.

На обороте рамки обнаружилась едва заметная отметка: круг с девятью зубцами и короткая косая риска.

Кевен побледнел.

— Знак городского счёта.

— Где его ставят?

— На формах переписи перед обновлением. Девять вопросов о доме, ремесле, иждивенцах, пользовании службами. Последний — о намерении оставаться в Лигране до следующего Договора.

— Ответ добровольный? — спросил Кайр.

Кевен не ответил.

Лея знала форму. Заполняла её дважды и ни разу не видела рядом отдельного отказа.

— Без неё не продлевают право на воду, — сказала она. — Формально человек может не отвечать. Практически его дом исключают из расчёта.

— Вот и механизм. Человека вынуждают назвать одно вероятное будущее, а стекло снимает соседнее.

Лея осмотрела метки на рамках. Косые риски различались: влево, вправо, вверх, иногда две сразу. Не случайные царапины, а указания.

— Отбирают не любой вариант. Смотрите. У пекаря риска направлена от центра — выбор уйти из ремесла. У женщины с письмами — к центру, вероятно, остаться. Палата заранее решает, какой вариант полезнее оставить человеку.

— Или какой опаснее забрать, — сказал Кайр.

В кресле вспыхнуло лицо его матери. На этот раз запись не вернулась к началу. Женщина подняла голову, словно увидела кого-то за пределами пластины. Её губы произнесли другое.

Не его выбор. Мой.

Синий след на руке Кайра рванулся к креслу. Он согнулся, прижав ладонь к груди.

Лея шагнула к нему и остановилась.

— Чем помочь?

— Не знаю.

— Можно коснуться вас?

Он кивнул.

Она взяла его за предплечье выше светящейся сети. Под тканью мышцы были напряжены так, будто он удерживал собственную руку от чужого движения.

— Оно зовёт меня владельцем опорного следа, — выговорил Кайр.

— Тогда для отключения нужно и ваше согласие.

— Или моя жизнь.

— Это ещё не доказано.

— Наконец-то фраза Палаты, которая мне нравится.

Шутка вышла слабой, но он выпрямился. Лея отпустила его только после второго кивка.

Кевен тем временем вынул из аварийной крышки тонкую дощечку. На ней проступали строки, прежде скрытые рычагами. Он прочёл первую и замолчал.

— Вслух, — сказала Лея.

— «При недостаточности текущего питания ускорить выбытие решений с наименьшим коэффициентом общественного ущерба».

— Коэффициент кто назначает?

Ниже стоял столбец обозначений: ремесло, возраст, семейное положение, служебная полезность, история нарушений. Последняя графа называлась «склонность к перемене».

Кайр отнял у Кевена дощечку.

— Они забирают выход сначала у тех, кто чаще им пользовался.

— И называют это наименьшим ущербом, — сказала Лея.

Зал зазвенел разом.

По четырём магистралям прошёл яркий импульс. Десятки изображений побелели. Трещина в первой пластине дошла до рамки, и стекло осыпалось внутрь ячейки.

— Ускоренное выбытие уже началось, — сказал Кевен.

— Можно закрыть магистрали по одной? — спросила Лея.

— Рычаги запаяны общим условием.

— Разбить стекло?

— Тогда аварийная формула сочтёт действие нападением и перебросит весь остаток в Договор.

Кайр осмотрел пустую ячейку.

— Не закрывайте отвод. Дайте записям другое место.

— Какое?

Он поднял валявшийся осколок. В нём ничего не отражалось.

— Любое стекло удерживает условие, если у него есть граница. Нам нужны пустые пластины и отдельные владельцы.

— Мы не знаем имён.

— Владельцами временного хранения будем мы.

Лея сразу увидела цену. Если они примут записи на себя, магия может счесть будущие варианты их собственными. Чужие повороты начнут заслонять личный выбор, пока настоящий владелец не будет найден.

— Нет, — сказал Кевен. — Это тысячи ячеек.

— Мы не спасём тысячи, — ответил Кайр. — Только те, что ещё доступны и стираются сейчас.

— Сколько?

Он прислушался к следам.

— Тридцать семь. Может быть, сорок. Остальные закрыты общим контуром.

Лея открыла сумку. В ней лежали образцы договорного стекла: небольшие прозрачные прямоугольники для выездной работы. Двенадцать штук.

Кевен снял с фонаря защитные стёкла — четыре узкие пластины.

— В шкафу на лестнице были пустые рамки, — сказал он. — Я принесу.

— Дверь закрылась.

— Служебная защёлка открывается изнутри.

Он побежал к лестнице. Через несколько мгновений там лязгнул металл.

Лея разложила свои образцы на полу.

— Отдельное решение, — напомнила она Кайру. — Вы предложили изменить связи. Раскрываем цену.

— Временно принять доступные записи, не присваивая решений. Цена: пока запись у нас, каждый может видеть чужой вариант как собственное желание. Возможны ошибки выбора.

— Срок?

— До передачи владельцу или до прекращения нашего договора сегодня. Что наступит раньше.

— Тогда при прекращении записи вернутся сюда и сотрутся.

— Да.

— Это превращает свободный выход в убийственную кнопку.

— Не убийственную. Но уже не свободную.

Они посмотрели друг на друга. Их аккуратные договоры, составленные наверху, не выдержали и часа рядом с настоящей ценой. Лея могла встроить обязанность хранить записи до спасения и тем самым отнять у них обоих право выйти. Или сохранить выход и признать, что он причинит вред людям, которых они никогда не видели.

— Записи должны удерживаться не нашим договором, — сказала она. — Мы только переносим их в независимое хранение. Цена принадлежит носителю стекла, а не нам.

— Стекло не может согласиться.

— Зато Палата может отвечать имуществом. Кевен — смотритель и вправе принять временное хранение на баланс Резерва вне общей магистрали.

Кайр улыбнулся одним уголком рта.

— Вы спасаете свободу выхода бухгалтерией.

— Не отвлекайте специалиста.

Кевен вернулся с деревянным ящиком пустых пластин.

— Тридцать две.

— Вместе сорок восемь. Хватит. Вы как смотритель принимаете их в отдельное хранение?

Он посмотрел на дощечку с коэффициентами.

— Принимаю. Без подтверждения председателя.

— Цена решения?

— Моя должность и право заверять городской счёт, если хранение признают незаконным.

— Это последствие, не названная цена.

Кевен снял с пояса служебную печать.

— Тогда до выяснения я добровольно передаю печать вам и не заверяю ни одного изъятия. Если хотя бы одна запись будет утрачена из-за выбранного мной способа хранения, я публично раскрою все подписанные мною подтверждения за семь лет.

— Включая те, что могут доказать вашу вину?

— Особенно их.

Лея кивнула.

Кайр сел между пустыми пластинами и протянул обе руки. Синяя сеть отозвалась сразу во всех доступных ячейках.

— Я не буду разрывать связи. Только покажу им ближайшую свободную границу.

— А если они пойдут через вас?

— Тогда скажете, что это было предупреждение.

— Кайр.

Он поднял глаза.

— Если след войдёт в тело, прекращаете действие. Это не приказ. Моё участие зависит от этого условия.

— Ваш отказ остановит перенос?

— Мой. Не ваш.

— Принято.

Кевен поставил печать на деревянный ящик и произнёс формулу хранения. Стекло отозвалось ровным прозрачным светом. Ни одна пластина не принадлежала человеку; все принадлежали названной задаче.

Кайр коснулся пальцами пола.

Тридцать семь нитей выступили из стен.

Они были тоньше волоса. Одни тянулись прямо, другие метались, цепляясь за медные желоба. Кайр медленно развёл руки, направляя их к пустому стеклу. На его виске выступил пот.

Первая нить вошла в пластину Леи. В ней возник пекарь с ключом — не отдающий его и не оставляющий себе, а всё ещё способный решить.

— Одна, — сказала Лея.

Потом вторая. Третья. На шестой Кайр вздрогнул.

— Что вы видите?

— Море.

— В Лигране нет моря.

— Именно.

Нить пыталась войти ему под ноготь. Он повернул ладонь, и она скользнула в стекло.

Кевен считал вслух. На пятнадцатой погас его фонарь: защитные пластины лежали на полу, пламя ничем не удерживалось от сквозняка. Они продолжили при свете ячеек.

На двадцать третьей башенные часы снова ударили. Каждым ударом одна из нитей натягивалась сильнее.

На тридцать первой Лея увидела в пустой пластине собственное лицо.

Она стояла перед дверью Палаты без серебряной нашивки составителя. В руке держала дорожную сумку. За дверью Кайр что-то говорил, но изображение не позволяло прочесть слова.

Нить шла не из стены.

Она выходила из медной дорожки под креслом.

— Остановитесь, — сказала Лея.

Кайр замер. Тридцать первая нить повисла между его пальцами и стеклом.

— Она ваша?

— Да.

— Решать вам.

За одну секунду Лея успела захотеть разбить пластину, спрятать её, спросить, что говорил Кайр, и убедить себя, что это всего лишь возможность. Затем заметила косую риску на рамке: наружу от центра.

Палата уже отметила её уход как вариант, который следует забрать.

— Переносите, — сказала она. — Не потому, что я выбираю уйти. Потому, что я сохраняю право выбрать.

Нить вошла в стекло.

Кайр не улыбнулся. Это почему-то было важнее любого подходящего ответа.

На тридцать седьмой записи зал содрогнулся. Общая магистраль втянула остаточный свет, но получила пустоту. По меди пробежала красная трещина. Аварийные рычаги под крышкой сами опустили наполовину.

Стирание прекратилось.

В тишине было слышно только дыхание троих и ход карманных часов Кевена.

— Мы выиграли сколько? — спросила Лея.

Кевен сверился с часами.

— До следующего требования Договора — неизвестно. Может быть, минуты.

Кайр собрал пластины в ящик. В каждой застыло не решение, а его открытая развилка.

— У нас есть доказательство механизма, — сказал он. — Формы переписи, метки отбора, таблица ущерба.

— И тридцать семь людей, которым придётся сообщить, что город распорядился их будущим.

— Если мы найдём их раньше Палаты.

Лея сняла копию с дощечки коэффициентов дорожным карандашом. Кевен заверил лист уже не печатью — её он отдал Лее, — а подписью и временем по своим часам.

На обратной стороне дощечки обнаружилась ещё одна строка, совсем мелкая:

«Опорный след выбирается из лиц, чья непрерывность уже оплачена третьей стороной. Приоритет — несовершеннолетний носитель без способности к отказу».

Кайр прочёл её дважды.

— Моя мать не украла для меня чужое завтра, — сказал он. — Ей предложили сделать меня дверью.

— Она всё равно согласилась за вас.

— Я знаю.

Он произнёс это без защиты и без обвинения. Лея поняла, что любой ответ сейчас попытается забрать у него одно из чувств: любовь к матери или ярость на неё. Она промолчала.

Кевен закрыл служебную крышку.

— Председатель скажет, что без Резерва останутся больницы.

— Возможно, она будет права, — сказала Лея.

— И что тогда?

Лея подняла ящик. Он оказался тяжелее, чем могло весить стекло.

— Тогда мы не станем лгать, будто выбора нет. Покажем цену обоих решений и спросим тех, кто её платит.

На лестнице щёлкнула защёлка. Дверь наверху открылась сама.

Из архива донёлся голос Эстер:

— Кевен, отойдите от них. Резерв находится под чрезвычайной защитой Договора.

Кевен посмотрел на печать в руке Леи, затем на ящик.

— Я могу передумать, — напомнил он слова, сказанные перед спуском.

— Можете, — ответила Лея.

Он взялся за вторую ручку ящика.

— Уже передумал.

Они поднялись втроём, неся между собой тридцать семь неслучившихся решений. Кайр шёл первым и не касался кресла. Когда синяя полоска на ступенях погасла за его спиной, Лея услышала внизу последний стеклянный звон.

Не звук разрушения.

Звук ячейки, которая открылась и осталась пустой.

Глава 7. Дочь нарушителя

Эстер ждала у открытой дверцы Резерва одна.

Она не привела караул и не потребовала отдать ящик. На столе перед ней лежала папка в выцветшем красном переплёте. Лея узнала её раньше, чем прочла имя на корешке.

«АРДЕН, ТАЛЕР. ОБРУШЕНИЕ КВАРТАЛЬНОГО МОСТА».

Кевен остановился на последней ступени. Ящик с тридцатью семью пластинами качнулся между ним и Леей.

— Поставьте его на стол, — сказала Эстер.

— На каком основании? — спросила Лея.

— Потому что стекло хрупкое, а разговор будет неприятным.

Кайр выбрался из прохода последним и встал так, чтобы видеть и Эстер, и дверь архива.

— Она всегда предупреждает о цене до сделки? — спросил он.

— Только когда уверена, что платит другой, — ответила Лея.

Эстер скользнула взглядом по его светящейся руке.

— Вы нашли достаточно, чтобы придумать обвинение, и недостаточно, чтобы понять устройство города.

— Мы нашли таблицу, по которой город решает, чьё будущее дешевле, — сказала Лея.

— Вы нашли аварийный порядок.

— Сначала стирать выбор у тех, кто чаще меняет решение?

— Сначала поддерживать воду и больницы ценой вариантов, которые статистически не будут реализованы.

— Если они не будут реализованы, зачем их отбирать?

Вопрос Кайра заставил Эстер на миг замолчать.

— Потому что возможность тоже создаёт нагрузку, — сказала она. — Город обязан держать готовыми пути, которыми почти никто не воспользуется.

— Значит, вы решили закрыть пути и назвать это экономией.

Эстер положила ладонь на красную папку.

— Я решила не повторять ошибки людей, которые считали личную чистоту важнее чужой жизни.

Лея увидела, как разговор повернул к ней. Можно было не идти следом. Потребовать опись изъятого, вызвать свидетелей, зафиксировать нарушение процедуры. Все эти действия были правильными и все позволяли не смотреть на папку.

— Откройте, — сказала она.

Эстер развязала тесёмки.

Сверху лежал знакомый акт: двадцать три погибших, сорок один раненый, два дома разрушены падением западной арки. Отец Леи заверил договор ремонта, затем ночью вывел свою цену из обета. Утром мост не выдержал грузовой обоз.

Лея знала каждую строку. После суда мать хранила копию в нижнем ящике комода, под полотняными салфетками. В тринадцать лет Лея читала акт, пока цифры не перестали быть людьми. Потом снова училась видеть за каждой число.

Эстер перелистнула страницу.

Под актом лежал документ, которого Лея никогда не видела.

— Дополнение к протоколу, — прочёл Кевен. — Закрыто постановлением председателя Палаты.

Тогда председателем был не Эстер. Она ещё возглавляла аварийную комиссию.

— Ваш отец обнаружил перенос цены за шесть дней до обрушения, — сказала она. — Западная арка питала водовод Нижнего квартала. Если бы он публично расторг договор ремонта, вода остановилась бы в разгар лихорадки.

Лея не прикоснулась к бумаге.

— Он скрыл разрыв.

— Он пытался дать комиссии время переключить водовод.

— Цена ушла в мост.

— Да.

— И он знал?

Эстер перевернула ещё один лист. На полях стоял почерк отца — широкий, с резкими поперечинами.

«До отвода воды публичное раскрытие невозможно. Принимаю риск временного удержания».

Ниже его подпись. Ни срока. Ни предела риска. Ни согласия тех, кто должен был пройти по мосту.

— Он назвал необходимость красивым словом и разрешил себе чужую цену, — сказала Лея.

— Он выбрал между больными детьми и неизвестными прохожими.

— Нет. Он выбрал за них.

Эстер устало выдохнула.

— Вы говорите словами своей матери.

Комната будто сузилась.

— Вы знали её?

— Я принесла ей закрытое дополнение через неделю после суда. Она отказалась читать.

Лея вспомнила нижний ящик, белые салфетки и мать, которая ни разу не произнесла имя мужа после приговора.

— Почему?

— Она сказала: если причина способна сделать нарушение правильным, Лея всю жизнь будет искать достаточно красивую причину для собственного.

Это тоже были материнские слова. Только Лея слышала их в другой вечер — у окна, за которым рабочие разбирали остатки арки.

«Пообещай мне, что никогда не оправдаешь нарушение необходимостью».

Лея тогда обещала сразу. Ей было тринадцать, и точность казалась способом не стать отцом.

— Вы сохранили документ, чтобы предъявить его сейчас? — спросил Кайр.

— Я сохранила его, потому что уничтожить факты нельзя.

— Но выдавать их можно в самый выгодный момент.

— Вы обвиняете меня в расчёте, господин Вельт, как будто расчёт сам по себе порок.

— Нет. Я обвиняю вас в привычке прятать, кто платит.

Эстер повернулась к Лее.

— Ваш отец выбрал плохо. Но он выбирал в настоящей угрозе, а не в учебной комнате. Я видела Нижний квартал в ту неделю. Матери поили детей водой из сточных канав. Комиссия не успевала построить обход. Если бы Талер исполнил правило безупречно, погибших могло быть больше.

— Могло.

— Вы не хотите знать?

— Хочу. Но возможность большего вреда не превращает совершённый вред в чужое согласие.

— Тогда что превращает? Голосование у падающего моста? Подпись каждого больного перед глотком воды?

Лея посмотрела на ящик. В одной из пластин пекарь всё ещё мог отдать ключ. В другой она сама всё ещё могла уйти из Палаты. Резерв сохранял город, заранее отменяя неудобные ответы. Отец сделал то же самое однажды и назвал это временным удержанием.

Она ожидала привычной ясности: нарушение нельзя оправдать. Вместо неё пришёл другой вопрос. Если нарушение нельзя оправдать, зачем вообще различать мотив, раскрытие и принятую цену? Зачем Кайр публично разрывал обеты, если всякий разрыв одинаков?

— Вы обещали матери? — тихо спросил Кайр.

Эстер вскинула бровь.

Лея могла сослаться на частную жизнь. Но их договор требовал не скрывать от Кайра сведения о нём, а не о себе. Молчание было разрешено. Именно поэтому ответ имел значение.

— Да. Я обещала никогда не оправдывать нарушение красивой необходимостью.

— Какова цена?

— Я не назвала её.

— Вам было сколько?

— Тринадцать.

Кайр не сказал, что детское обещание незаконно. Не предложил разорвать его. Он только спросил:

— Что оно запрещает вам сейчас?

— Стать похожей на отца.

— Это страх. Я спросил о действии.

Лея хотела ответить резко. Вместо этого услышала материнскую формулу такой, какой записала бы её сегодня. «Никогда» — срок без конца. «Оправдывать» — действие без определённого предмета. «Необходимость» — условие, которое нельзя измерить. Цена не названа. Владелица обещания — ребёнок, желавший удержать единственного оставшегося родителя.

И всё же магия приняла слово. В памяти Леи блеснула стеклянная кромка на подоконнике. Тогда она решила, что это одобрение.

Теперь понимала: магия подтвердила только искренность.

— Оно запрещает мне признать, что нарушение иногда может быть ответственным, — сказала она. — Не правильным. Ответственным.

— Разница? — спросила Эстер.

— Ответственный нарушитель не объявляет причинённый вред исчезнувшим. Он раскрывает его, принимает свою цену и оставляет другим право судить. Отец этого не сделал.

— А если раскрытие само убивает?

— Тогда он называет и эту цену. Не прячет решение в закрытом дополнении.

Эстер постучала пальцем по папке.

— Он просил открыть документ после переключения водовода. После катастрофы комиссия решила, что объяснение будет выглядеть попыткой оправдаться.

— И вы согласились.

— Я была моложе вас.

— Но не тринадцатилетней.

Эстер приняла удар без движения.

Кевен поставил ящик на край стола, не выпуская ручку.

— Председатель, вы знали о способе отбора в Резерв?

— Знала.

— И о том, что я заверяю изъятия, не видя правил?

— Вам было поручено хранение, не оценка.

— На подтверждениях стоит моё имя.

— Поэтому они имеют силу.

Кевен снял руку с ящика.

— Больше не имеют.

Эстер впервые посмотрела на него не как на подчинённого.

— Городские часы стоят. Если вы откажетесь заверять Резерв сейчас, к вечеру верхние баки опустеют.

— Тогда сообщите водовозам, мастерам насосов и жителям, сколько времени у них есть. Не используйте мою подпись вместо их работы.

— Паника сократит это время вдвое.

— Возможно, — сказал Кевен. — Но я семь лет подтверждал, что выбор уже сделан. Сегодня выяснил, что его просто не оставили.

Из коридора донёсся топот. Эстер всё-таки вызвала караул — или тревога сделала это за неё.

Кайр взялся за крышку ящика.

— Нам пора решить, кому принадлежат записи.

— Резерву, — сказала Эстер.

— Нет, — ответила Лея. — Людям, у которых их забрали.

— Имена зашифрованы. Вы не найдёте владельцев без регистра переписи.

— Значит, дадите регистр.

— Он содержит сведения обо всём городе.

— Тогда проведём сопоставление здесь, при свидетелях.

— Вы больше не ведёте эту проверку.

Лея достала печать Кевена.

— Я и не веду. Я храню доказательства по добровольной передаче зрителя.

— Передача незаконна.

— Зафиксируйте нарушение публично.

Слова вышли прежде, чем Лея успела проверить их на соответствие старому обещанию. Она предлагала назвать собственное действие нарушением и всё равно совершить его. Стекло кромка из детской памяти резанула ладонь фантомной болью.

Нет, сказала она мысленно матери. Я не называю это правильным. Я называю цену.

— Если передача будет признана незаконной, — продолжила Лея, — я откажусь от доступа к расследованию по своему договору с Кайром и передам копии ему. Кроме того, до открытого слушания не заверю ни одного городского обета. Но я не отдам записи в систему, которая уже начала их стирать.

— Вы ставите свою профессию рядом с водой для квартала.

— Нет. Это вы всё время кладёте их на одни весы, чтобы никто не спросил о третьем решении.

— Каком?

— Работать без магического запаса. Временно. Дороже. Медленнее. С участием тех, кто обычно не помещается в вашу формулу.

Эстер покачала головой.

— Вы понятия не имеете, сколько людей откажутся помогать.

— Именно. Потому что вы не спрашивали.

Караульные появились в дверях. Двое, оба знакомые Лее по ночным сменам. Старшая, Тива, увидела красную папку, ящик и печать в руке Леи.

— Приказ? — спросила она.

Эстер не ответила сразу. Чтобы отобрать ящик, ей требовалось приказать людям защищать украденные решения, уже зная, что свидетели понимают предмет приказа.

— Обеспечьте сохранность Резерва, — произнесла она наконец.

Тива посмотрела на открытую дверцу.

— Что именно угрожает сохранности?

— Несанкционированный вынос записей.

— Чьих?

Вопрос повис в архиве.

Лея почти улыбнулась. Не победа — всего лишь необходимость сформулировать приказ. Но иногда точная фраза не защищала власть. Иногда она заставляла власть показать себя.

Эстер закрыла папку отца.

— До полудня записи остаются здесь, в отдельном ящике под совместной охраной караула и Кевена. Никто не возвращает их в магистраль и не вскрывает без присутствия всех сторон. В полдень проведём слушание.

— Часы не подтверждают полдень, — заметил Кайр.

Кевен вынул карманные часы.

— Через сорок одну минут по независимому ходу.

— Принимаю как организационный порядок, не как обет, — сказала Лея.

— Я тоже, — сказал Кевен.

Кайр пожал плечами.

— Обожаю собрания, на которых все заранее сохраняют право уйти.

Тива поставила ящик в решётчатый шкаф. Кевен запер его обычным ключом и передал ключ Лее. Второй ключ остался у караула.

Эстер пододвинула красную папку к краю стола.

— Возьмите. Теперь она не закрыта.

Лея не протянула руку.

— Почему сейчас?

— Потому что вы уже решили считать меня похожей на него. Лучше делайте это по полным сведениям.

— Я не считаю вас похожей на отца.

— Нет?

— Он скрыл одно нарушение, чтобы выиграть шесть дней. Вы построили из этого способ управления.

На лице Эстер появилась боль — настоящая, почти благодарная за точность.

— Тогда увидимся на слушании.

Она ушла вместе с одним караульным. Тива осталась у шкафа.

Лея взяла папку. Между последним протоколом и обложкой обнаружился незаполненный лист объяснения. Наверху отец написал только дату — за день до обрушения. Ниже остался продавленный след от фразы, которую он вывел на другом листе.

Кайр наклонил страницу к свету.

— «Если мост устоит...»

Продолжения не было.

Лея закрыла папку.

— Он собирался объяснить после того, как опасность минует.

— Многие собираются.

— Вы думаете, я защищаю его?

— Думаю, вы впервые позволили ему быть не только чудовищем. Это не защита.

Она посмотрела на Кайра. Его мать выбрала за него жизнь, Палата превратила выбор в механизм, а он всё ещё удерживал обе правды, не уничтожая одну ради другой.

— Моё обещание матери было принято магией, — сказала Лея.

— Магия не ваша мать.

— Я знаю.

И это знание оказалось страшнее нарушения. До сих пор Лея могла считать, что держит слово из верности. Теперь ей предстояло решить заново — уже без стеклянного блеска как доказательства правоты.

Она положила красную папку рядом со шкафом, но не внутрь.

— На слушании Эстер скажет, что Резерв необходим. Нам понадобятся люди, которые умеют жить без него.

— Растор ^{انع}атели, — сказал Кайр.

— Рынок свободных слов, — уточнила Лея.

— Вы там бывали?

— Закрывала три лавки.

— Прекрасно. Вас встретят тепло.

— А вас?

— Я закрыл четыре.

Впервые после спуска в Резерв она рассмеялась. Не потому, что стало легче. Просто страх перестал быть единственным возможным ответом.

Кевен проверил часы.

— До слушания тридцать восемь минут.

— Значит, у нас полчаса на рынок и восемь минут на возвращение, — сказала Лея.

— Дорога занимает двадцать в одну сторону.

Кайр открыл окно архива. За ним по водосточному желобу тянулась грузовая канатная линия к Нижнему кварталу.

— Если обещать соблюдать правила движения — двадцать.

Он посмотрел на Лею.

— Если не обещать?

Внизу висела платформа для мешков с бумагой. Над крышами мерцал рынок, где люди торговали правом изменить слово.

Лея заправила папку отца под ремень сумки.

— Тогда узнаем настоящую цену по дороге.

Глава 8. Рынок свободных слов

Грузовая платформа не предназначалась для людей, которые дорожили достоинством, пальцами или жизнью.

Она дёрнулась под ногами, едва Кайр выбил тормозной клин. Архивное окно ушло вверх. Лея успела увидеть лицо Кевена — он ещё не решил, бежать ли за ними или составлять опись нарушений, — а затем платформа покатила по наклонному тросу между крышами.

Ветер вырвал у неё дыхание. Одной рукой она держалась за железную стойку, другой прижимала сумку с красной папкой. Под подошвами дребезжали доски, рассчитанные на связки бумаги, а не на двух взрослых людей и груз нераскрытых решений.

— Вы сказали, без обещания быстрее, — крикнула она.

— Я сказал, узнаем цену!

Впереди на тросе висел пустой короб для ветоши. Кайр потянул боковой рычаг. Ничего не произошло.

— Цена приближается! — сообщил он.

Лея ударила ладонью по рычагу снизу. Ржавая собачка выскочила из паза, тормозные колодки заскрежетали. Платформа качнулась так, что Кайр оказался вплотную к ней. Он обхватил стойку по обе стороны от её плеч, не касаясь самой Леи.

Короба разошлись на расстоянии ладони.

— У этой линии есть правила движения, — сказала она, когда снова смогла говорить.

— Были. Их подтверждали башенные часы.

— Механическое расстояние между платформами не исчезло вместе с подтверждением.

— Вот поэтому вы здесь полезнее правил.

Он отступил, как только качка ослабла. На его скуле проступила тонкая царапина от железной стружки. Лея заметила её раньше, чем увидела приближающуюся крышу станции, и рассердилась на себя за порядок наблюдений.

Они спрыгнули на настил Рынка свободных слов через одиннадцать минут по карманным часам Кайра. Независимый ход у него всё-таки имелся — дешёвый, с отстающей секундной стрелкой. Кевен, вероятно, счёл бы такое устройство личным оскорблением.

Рынок занимал бывший монетный двор. Под стеклянным куполом тянулись три галереи, пересечённые мостками. На месте чеканных станков стояли конторки расторгателей, кабины свидетелей, оценочные столы и лавки обычных ремесленников. Здесь продавали не слова. Здесь брали плату за то, чтобы слова перестали владеть человеком больше, чем он соглашался.

Лея закрывала здесь три лавки. Над первой теперь висела новая вывеска: «ВЫХОД ИЗ ЛЮБОГО ОБЕТА. ЦЕНА НЕ ВАША».

— Выглядит законно, — сказал Кайр, проследив её взгляд.

— Именно это и беспокоит.

Рыночный гул был непривычно неровным. Обычно над прилавками мерцали медные сроки, стеклянные условия и нити поручительств. Теперь часть следов погасла. Торговцы проверяли устные договорённости рукопожатием, мелом отмечали время на досках и громко повторяли имена свидетелей. Там, где городские часы перестали подтверждать последовательность событий, люди создавали её сами.

У центральной колонны женщина в кожаном фартуке снимала с мальчишки медный браслет ученического обета.

— Ещё раз, — потребовала она. — Не красиво. Точно.

— Я ухожу от мастера Релла сегодня, — сказал мальчишка. — Признаю, что не отработал семь месяцев. Отдаю ему набор резцов, который получил при поступлении, и шесть недель

буду возвращать долг по два медяка в день. Если пропущу день, срок не удваивается. Свидетели — Ина Вар и Тоб Марен.

— Почему уходишь?

— Он бьёт учеников.

— Причина в формулу не входит. Она нужна свидетелям.

Женщина разомкнула застёжку. Медь потемнела, но не треснула. Мальчишка положил на стол свёрток с резцами и выпрямился так, словно вместе с браслетом с него сняли чужую ладонь.

Лея остановилась.

В Палате ей учили, что расторжение — авария текста. Здесь оно выглядело работой: неприятной, точной и конечной.

— Законный выход, — сказал Кайр. — Мастер получит принадлежавшее ему имущество, долг не растёт сам от себя, свидетели знают причину. Мальчик не обязан оставаться под побоями ради красивой целостности обета.

— Я вижу.

— Вы смотрите так, будто впервые.

— Раньше я приходила искать ошибки.

— А сегодня?

— Возможности.

Женщина за столом узнала Кайра и подняла два пальца. Не приветствие — просьба подождать. Она записала расторжение в бумажную книгу, выдала мальчишке корешок и только потом подошла.

— Вельт. Говорили, тебя заперли в Палате.

— Заперли. Окно оказалось несогласно.

— А это та самая составительница?

— Лея Арден, — представилась Лея прежде, чем он успел выбрать определение. — Мы ищем способы на несколько часов поддержать воду и больницу без подпитки из городского Резерва.

Женщина перестала улыбаться.

— Мирра Сой. Свидетельница разрывов. Вы закрыли конторку моей сестры.

— Она продавала несовершеннолетним бессрочное освобождение от семейных обязанностей.

— Она продавала койки тем, кого выгоняли из дома.

— Койки были законны. Передача цены младшим детям — нет.

Мирра помолчала, затем кивнула.

— Хорошо. Значит, память у вас работает. Что случилось с Резервом?

Лея посмотрела на Кайра. Их договор требовал не скрывать от него сведения о нём; раскрывать всему рынку устройство Палаты он её не обязывал. Но полчаса назад она обвиняла Эстер именно в том, что та подменяла участие дозированной правдой.

— Палата питала городские службы ценой чужих несделанных выборов, — сказала Лея достаточно громко, чтобы услышали у соседних столов. — Сейчас часть записей отделена от магистрали. Если вернуть их, службы получают запас. Владельцы потеряют варианты будущего, которых ещё не успели выбрать.

Шум вокруг них стихал кругами.

— На сколько хватит обычной работы? — спросил седой переплётчик.

— Этого мы и не знаем.

— Водовод без обета продержится, пока кто-нибудь крутит насос, — сказал другой голос. — Или вода теперь из принципа не течёт?

Из толпы вышел грузный мужчина с желтоватой бородой. На груди у него висели три стеклянные линзы оценщика, а на пальцах блестели кольца чужих сроков.

— Тарн Овей, посредник взаимных замен, — представился он. — Если нужна работа без городского контура, у меня списки свободных бригад. Насосники, водовозы, санитарки, носильщики, печники. За двадцать минут соберу сотню человек.

— За какую цену? — спросила Лея.

— Три серебряных с Палаты за каждого вышедшего и иммунитет по прежним проверкам моей конторы.

— Нет, — сказал Кайр.

Тарн даже не посмотрел на него.

— Через два часа в верхних баках не будет напора. Через три в Часовой больнице останутся подъёмники и стерилизационные печи. Госпожа Арден, вам нужны руки, а мне — защита от чиновников, которые называют преступлением всякую услугу, не помещённую в их книгу.

— Какие именно проверки?

— Старые формальности.

— Значит, покажете дела.

— После слушания. Сейчас у вас нет времени.

В этом он был прав. Именно поэтому Лея почувствовала знакомое отвращение: срочность снова предлагали использовать как право не называть цену.

Кайр снял с ближайшей конторки кусок мела и написал на чёрной доске: «ВОДА — 4 ЧАСА. БОЛЬНИЦА — 6 ЧАСОВ. НУЖНЫ ЛЮДИ, ИНСТРУМЕНТЫ, МАРШРУТЫ. БЕЗ МАГИЧЕСКОГО ОБЕТА».

— Вы не можете обещать сроки, — заметила Лея.

— Поэтому я написал потребность.

Под ней он начертил четыре столбца: работа, время, плата, право уйти.

— Кто дал вам четыре часа? — спросила Мирра.

— Никто. Начинаем с того, что проверяем баки. Нужен человек из водовода.

Седой переплётчик поднял руку.

— Моя дочь дежурит на западной насосной. Посыльный добежит за девять минут.

— Не обещайте девять, — сказала Лея. — Назовите лучший и худший срок по обычному ходу.

— От девяти до пятнадцати.

— Записываем пятнадцать, — решил Кайр. — Если раньше — получим запас, а не ложную точность.

Люди начали подходить к доске. Кто-то мог дать телегу, но не лошадь. Кто-то знал ручные задвижки старого водовода. Три бывшие санитарки соглашались вернуться в больницу до вечера при условии, что старшая смены не восстановит их прежние обеты послушания. Лея записывала условия на бумаге, каждый раз отделяя намерение от обещания.

— «Я приду» не произносите, — повторяла она. — Говорите: «Я намерена прийти, если дорога проходима». Это не магический договор и не повод считать вас виноватой, если обстоятельства изменятся.

— Составительница учит не обещать, — хмыкнула Мирра.

— Составительница учится не использовать обещание там, где достаточно расписания.

За семь минут на доске появились двадцать восемь имён. Ни одно не светилось. Тем не менее из боковых ворот уже выкатывали две телеги, а мальчишка с освобождённым запястьем побежал к насосной.

Тарн наблюдал, скрестив руки.

— Двадцать восемь любителей не заменят мои бригады.

— Покажите списки, — сказала Лея.

Он достал из-за пазухи сложенную гармошкой бумагу. Имена были настоящими, рядом стояли профессии и доступные часы. Сотня работников могла решить половину аварийных задач до вечера.

— Условия? — спросил Кайр.

— Они передали мне право договариваться.

— Это не условие.

— Два серебряных за смену. Я беру комиссию отдельно.

— Право отказаться?

— Тогда зачем поручать посреднику?

Кайр выдернул из гармошки нижний лист. Тарн схватил его за запястье. По рынку прошёл красный отблеск — не угроза, а сработавшая нить поручительства.

На обороте списка мелким письмом значилось: «В случае общественной необходимости посредник вправе подтвердить участие доверителя; цена неявки возмещается из доступного семейного срока».

— Семейного срока кого? — спросила Лея.

— Того, кто поручился за работника, — ответил Тарн.

— Здесь не указано согласие поручителя.

— Оно в первичном договоре.

Мирра взяла бумагу за край и поднесла к свету. Под строками проступили тонкие нити, уходившие не к именам работников, а в закрытую шкатулку под столом Тарна.

— Открой, — сказала она.

— Не имеешь права.

— Тогда откроет Палата.

— Палата через час будет просить меня о помощи.

Тарн обратился к Кайру:

— Скажи ей. Ты знаешь, как это делается. Да, формула старая. Да, несколько поручительств потеряли владельцев. Я собирался всё разобрать после обновления. Сейчас мои люди нужны больнице. Вы прикрываете контору до вечера, я отдаю бригады. Завтра разбираем каждую цену публично.

Условия были отвратительны и полезны. Лея уже видела возможную запись протокола: временное удержание ради предотвращения большего вреда. Ровно так отец назвал свои шесть дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.